

Annotation

В книге известного советского зоолога, исследователя фауны Арктики рассказывается о природе острова Врангеля, о его животном мире, об охране обитающих на Севере ценных зверей и птиц. Источник:

- [Савва Михайлович Успенский Родина белых медведей](#)

Вместо введения

Северный Ледовитый океан. Хаос торосов, долгая морозная полярная ночь, свирепые вьюги. Казалось бы, жизнь в этой пустыне, да еще на поверхности льда, невозможна, во всяком случае, для крупного теплокровного животного. Однако именно здесь обитает крупнейший на планете наземный хищник. Это белый медведь.

 Остров Врангеля — родина белых медведей

В наши дни этот зверь привлекает к себе все более пристальное внимание биологов. Исследователи пытаются понять смысл удивительных приспособлений белого медведя к жизни в стуже, к длительным голодовкам, вообще к чрезвычайно экономному расходованию энергии, раскрыть секреты удивительно высокого к. п. д. его организма. Ведь в отличие от своего бурого собрата белый медведь даже не впадает в регулярный зимний сон, не прячется от невзгод и лишений полярной ночи, а будто намеренно идет им навстречу. Он совершает непрестанные, но целенаправленные кочевки, бродит среди дрейфующих льдов как летом, так и зимой, подчас в полной темноте. Он обладает весьма своеобразной способностью к ориентации и даже к навигации (то есть внесению в свой путь необходимых поправок в зависимости от направления и скорости движения льдов), однако механизм этой его способности остается непознанным.

Не только ученых, но и многочисленных друзей и защитников природы беспокоит судьба белых медведей. Их осталось на земном шаре не так уж много. И, к сожалению, вполне реальна угроза полного истребления этой замечательной «биологической модели» и лучшего живого украшения арктических просторов...

 Арктические просторы

Изучением белого медведя и других животных Арктики, поисками путей их охраны я и мои товарищи (с ними вы познакомитесь в книге) занимаемся уже не один год. Наша работа протекала главным образом на острове Врангеля, где находится основной медвежий «родильный дом».

В своей книге я хочу рассказать о нашей работе на острове, о его четвероногих и пернатых обитателях. Но главным «действующим лицом» здесь будет белый медведь. И если среди вас появятся новые друзья и защитники этого зверя и остальных нуждающихся в охране животных Арктики, цель книги будет достигнута.

На стыке двух полушарий

I

Остров Врангеля приютился на крайнем северо-востоке Советского Союза. Летом, когда солнце круглые сутки не покидает небосклона, остров укутывают туманы, а долгой полярной ночью на нем беснуются метели. Типичная и в то же время необычная часть суровой арктической суши.

Остров Врангеля

У побережья острова смыкают свои воды Восточно-Сибирское и Чукотское моря. Сто восьмидесятый меридиан делит его на две почти равные части, одна из которых относится к западному полушарию, другая — к восточному. Остров горист, однако горные хребты с величественными, круглый год заснеженными пиками перемежаются здесь с обширными участками равнинных тундр. Растительность на большей части острова, как и всюду в Арктике, чахлая и скудная, обширные пространства его покрыты пустынными, безмолвными россыпями камней, окутанных, словно корой, разноцветными накипными лишайниками. Едва поднимаются

над землей бледно-желтые цветы полярных маков, далеко одна от другой разбросаны кустики камнеломок или незабудок, цветы которых тянутся к солнцу на крошечных стебельках. Зато в долинах крупных рек можно встретить настоящие оазисы. Здесь буйно разрастаются травы, выше чем на полметра поднимаются заросли ивняков, порхают бабочки, без умолку звенят птичьи голоса, басовито жужжат шмели.

У побережья острова Врангеля. Фото автора

На географических картах остров давно уже не значит «белым пятном». Описанию его природы, недр, истории изучения и освоения посвящены многие десятки статей и книг, и, тем не менее, он продолжает привлекать исследователей. Почти каждое лето здесь можно встретить какую-нибудь экспедицию (появление их островитяне считают обычным сезонным явлением, как, скажем, таяние снега или прилет птиц). Сюда приезжают географы и геологи, климатологи и этнографы. Но, пожалуй, особенно интересен остров Врангеля для зоолога. Правда, обитающих здесь животных, как правило, можно встретить и в других частях Арктики, но зато в фауне острова есть ряд местных подвидов птиц, насекомых и т. д., и при этом некоторые из них только здесь достигают очень высокой концентрации или встречаются в необычных для высоких широт сочетаниях. В самом деле, здесь, на острове, крупнейшие на земном шаре «родильный дом» белых медведей, гнездовая колония белых гусей, береговое лежбище моржей. Большие птичьи базары острова по составу и образу жизни их обитателей могли бы считаться типично арктическими, но на них гнездятся, например, беринговы бакланы — пернатые, характерные лишь для побережий северной части Тихого океана. По соседству с черными казарками, аборигенами самых высоких широт Арктики, выращивают птенцов чечетки, свойственные гораздо более южным районам... Попасть сюда, познакомиться со здешней природой, особенно с жизнью пернатых и четвероногих обитателей, было моим давним желанием. Впервые оно осуществилось летом 1960 г. Кратковременная поездка еще сильнее разожгла мой интерес к острову. Если действительно существует «полярный микроб», способный заразить человека неизлечимой тягой к арктическим просторам, заставляющей его

возвращаться сюда вновь и вновь, то на острове Врангеля подобное «болезнетворное начало» представлено, несомненно, одной из самых «вредных» разновидностей. И не удивительно, что я оказался здесь снова. В следующий раз я попал на остров в 1964, а затем в 1969 г., как участник небольших по составу биологических экспедиций.

II

Остров Врангеля принадлежит к средним по площади арктическим островам (наибольшая длина его — около ста шестидесяти километров). Пролив Лонга шириной почти сто сорок километров отделяет его от Чукотского побережья. Рельеф острова сильно расчленен. Большая часть этой суши вообще представляет собой горную страну, состоящую из трех параллельных хребтов; на западе и на востоке они снижаются и заканчиваются прибрежными скалистыми обрывами. Южный хребет, еще относительно невысокий, проходит недалеко от морского побережья. За ним высится основной, средний хребет; венчает его, как и всю горную систему, гора Советская высотой около тысячи ста метров. Северный хребет — самый низкий и состоит из обособленных возвышенностей и пологих холмов, которые постепенно переходят в широкую заболоченную равнину, носящую название тундры Академии.

Здесь зимой, самому продолжительному времени года, свойственны устойчивая морозная погода, сильные ветры, неглубокий и неравномерно залегающий снежный покров. Заморозки и снегопады здесь нередки и летом, но особенно холодно на острове в феврале и марте, когда температура воздуха неделями не поднимается выше минус двадцати — тридцати градусов. Ветер то и дело рождает пургу: с ураганной скоростью несет он снежную пыль, оголяет вершины, в низинах наметает сугробы, по прочности похожие на бетон. Лето на побережье острова обычно прохладное, туманное и дождливое. В центральных частях острова, отгороженных от моря горами, летом гораздо теплее, чаще проглядывает солнце. Случаются (хотя и не каждый год) даже

жаркие дни, когда островитяне с удовольствием купаются в речках, загорают и нежатся на роскошных песчаных пляжах (такие дни выдавались, например, летом 1960 г.).

Рек на острове довольно много, но большинство их бывает многоводно лишь весной, во время таяния снега. Летом реки сильно мелеют, а к осени превращаются в жалкие ручейки. Исключение составляют лишь наиболее крупные реки — Мамонтовая и Клер; название «ручьи» к ним не подошло бы даже осенью. Озера здесь невелики по площади, мелки и сосредоточены главным образом в тундре Академии. Островные побережья большую часть года скованы ледяным панцирем и окружены хаотическими нагромождениями торосов.

Льды обычно отходят от берегов в конце июля — в августе, но в сентябре — октябре они вновь смыкаются. Впрочем, бывают годы, когда море у острова вовсе не вскрывается. Интересно геологическое прошлое острова Врангеля. Еще в четвертичное время он был частью Берингии — обширной суши, некогда соединявшей Азию с Америкой, и выглядел иначе, чем теперь. По мнению геологов, это была слабо всхолмленная равнина с группой невысоких гор в центре и несколькими широкими речными долинами. Около пятидесяти тысяч лет назад море отделило остров от материка. Впоследствии здесь происходили подъемы и разломы земной коры, остров подвергался выветриванию, воздействию морских вод и прибрежных льдов, неоднократно испытывал оледенения, хотя ледники здесь и не достигали больших размеров и не покрывали всей его поверхности.

Большинство исследователей считает Берингию центром формирования арктической фауны и флоры. Правда, о населявшем ее животном мире теперь напоминают лишь остатки костей мамонтов и северных оленей, вымываемые из берегов островными реками. Зато растительность острова очень своеобразна, богата видами и характеризуется большой древностью. В самом деле, только трав, кустарников и кустарничков здесь обнаружено сто шестьдесят видов, в то время как на Новосибирских островах их насчитывается семьдесят шесть, на островах Северной Земли — сорок шесть, на Новой Земле — семьдесят, а на архипелаге Земли Франца-Иосифа — всего тридцать шесть. Флора острова содержит

много реликтов. Исконная арктическая растительность на этом «осколке» Берингии, следовательно, не была уничтожена ледниками, и в то же время море препятствовало проникновению сюда с юга потока позднейших мигрантов.

Современный растительный покров острова почти везде низкорослый, несомкнутый. Причина тому — холодные короткие летние месяцы, а зимой — морозы, пурги, неглубокий снег. Первый исследователь растительности острова Врангеля, известный советский ботаник и северовед Б. Н. Городков относит его к зоне «арктических или полярных пустынь». Он различает здесь участки собственно арктических пустынь, где растительный покров крайне разрежен и беден видами, и тундровые участки, обычно покрытые лишайниками. На хорошо удобренных почвах, чаще всего у птичьих базаров и вокруг колоний наземных птиц, встречаются даже альпийские луга. В тундре Академии много моховых болот. В межгорных котловинах, где зимой скапливается глубокий снег, есть заросли ивняков, которые здесь называют лесом.

III

Неясные сведения о существовании острова были получены русскими землепроходцами от жителей Чукотки — чукчей и эскимосов еще в середине XVII в. Однако на географических картах он «родился» почти на два столетия позже, и то вначале лишь в качестве гипотетической земли. Только в 1881 г. впервые удалось высадиться на нем. В 1911 г. здесь был поднят русский флаг, а постоянное население на острове существует лишь с 1926 г. Остров получил свое название более ста лет назад и носит имя крупнейшего русского географа и путешественника прошлого столетия Ф. П. Врангеля.

Итак, постоянное население — эскимосы и чукчи — охотники за песцами и морским зверем, оленеводы и звероводы — живет здесь менее пятидесяти лет. И, тем не менее, остров имеет обжитой вид. В поселке, носящем имя первого советского начальника острова, пионера освоения и исследования этой суши Г. А. Ушакова на трех

его улицах разместились обыкновенные двухквартирные, вполне «материкового» типа бревенчатые дома, тянутся провода электрической сети. Врач местной больницы, как и в любом подобном учреждении земного шара, принимает новорожденных и прописывает слабительное, удаляет у пациентов воспаленные аппендиксы и больные зубы. Школьники пишут диктанты и заучивают таблицу умножения. На почте можно отправить письмо или телеграмму, почтальон разносит подписчикам относительно свежие газеты и журналы.

Кратчайшее расстояние между островом Врангеля и Москвой превышает шесть тысяч километров. Отсюда до ближайшего областного центра — города Магадана (В административном отношении остров Врангеля входит в состав Чукотского национального округа Магаданской области) — более двух тысяч километров. Однако это не значит, что остров очень удален от Большой земли.

Пользуясь здесь многими благами цивилизации, невольно вспоминаешь о первых островитянах, о людях, начинавших освоение острова. Расстояние отсюда до материка, до больших городов не казалось им столь коротким. Каждый шаг первых островитян по этой тогда еще неизведанной и очень уединенной суше был полон неожиданностей, тягот и испытаний.

Трудности, собственно, начались еще раньше. Например, не так-то просто было найти желающих переселиться на остров. Вместе с Ушаковым восьмого августа 1926 г. здесь высадились, включая женщин и детей, пятьдесят пять человек. Среди них были сам начальник острова; врач; учитель И. М. Павлов, который провел всю жизнь на Чукотке, был к тому же хорошим охотником и в совершенстве знал эскимосский язык; русский охотник С. С. Скурихин со своей семьей и девять семей эскимосов, решившихся покинуть родные поселки на материке. Вопрос с переселением Скурихина решился быстро. Ушаков разыскал его в Петропавловске-Камчатском, куда судно с зимовщиками заходило для пополнения запасов угля.

«— Поедете на остров Врангеля? Промышленник на мгновение задумался.

— А что там делать? Есть ли там что-нибудь?

— Там есть пушнина, — ответил Ушаков, — песец, белый медведь, морской зверь.

Скурихин подумал еще немного.

— А золотишка там нет?

Ушаков развел руками:

— Не знаю, может быть, и есть. Вот приедем — посмотрим.

Выяснив еще некоторые вопросы, в частности как будут снабжаться зимовщики, какие цены на пушнину, условия расчета, Скурихин деловито спросил:

— Когда отходит пароход?

— Завтра. Как уголь возьмем да еще кое-что погрузим, так и уйдем.

— Хорошо, я подумаю.

Через три-четыре часа после этого разговора по улицам Петропавловска громыхла телега, нагруженная горой всякого домашнего скарба. На ее вершине сидела дородная женщина с девочкой. Скурихин шел рядом с телегой, держа вожжи в руках и подбадривая лошадь. Ушакова удивила способность этого человека так быстро принять решение и ликвидировать все свои дела. За несколько часов Скурихин успел сдать свой дом в аренду, продать корову, погрузить семью и вещи на судно».

Так со слов Ушакова описал этот эпизод А. И. Минеев, бывший начальником острова в 1929–1934 гг. (А. И. Минеев. Остров Врангеля. М. — Л., 1946).

Договориться с эскимосами помогли случай и мужество Ушакова. Минеев пишет об этом так:

«Едва шлюпка ткнулась носом в песок (у поселка в бухте Провидения на Чукотке. — С. У.), Ушаков выпрыгнул на берег. В этот момент из юрты, стоявшей на берегу, выскочили две девочки, совершенно голые, имевшие на теле только набедренные повязки. За ними гнался старик с гарпуном в руках. Испуганные девочки промчались мимо Ушакова; в нескольких шагах за ними бежал старик. Ушаков выставил ногу, и старик растянулся на земле. Спустя несколько секунд, он вскочил, поднял свой гарпун, как копье, и, повернувшись к Ушакову, занес гарпун над головой для удара.

Расширенные, обезумевшие глаза старого эскимоса горели бешенством. Сделай Ушаков хотя бы одно движение — копье наверняка вонзилось бы ему в грудь. Но он остался недвижим и глядел старику прямо в глаза. Старик замер. Через мгновение в глазах у старика появилось нечто осмысленное; его рука дрогнула, стала медленно опускаться. Старик хрипло спросил:

— Ты всегда так делает?

— Всегда!

— Может быть, ты хорошо делает.

Помедлив немного, старик скрылся в юрте.

Девочки скоро вернулись обратно. Всхлипывая и смущаясь, они объяснили Ушакову, что страшный старик — это знаменитый и смелый охотник по имени Иерок, пользующийся общим уважением, а они, девочки, его дочери — Таслекак и Нанехак. На беду, Иерок добыл у матросов «Анадыря» спирта, напился и пришел в невменяемое состояние. Не заступись Ушаков, он мог бы убить своих дочерей... Утром к «Ставрополю» (судну, доставившему зимовщиков на остров Врангеля. — С. У.) подошла байдара, в которой сидел старый Иерок. Поднявшись на судно, Иерок спросил, где умилек (начальник). Его проводили к Ушакову. Ушаков запросто поздоровался с ним, как со старым знакомым. Иерок, немного сконфуженный сказал:

— Ночью я был пьян, поэтому плохо говорил. Теперь моя голова чистая, я могу говорить хорошо.

Ушаков рассказал ему, зачем он идет на остров Врангеля, сообщил, что ему нужны промышленники, и спросил:

— Пойдем со мной промышлять на остров песка, моржа, медведя?

Иерок, подумав, твердо ответил:

— Ты хорошо делает. Ты хороший человек. Поэтому я пойду с тобой.

— Подумай, Иерок, там еще никто не был!

— Я не знает, где остров. Я знает, что ты хороший человек.

Кончил думать. Я поеду.

Согласие Павлова и Иерока ехать на остров облегчило набор промышленников. Когда Ушакову пришлось заговорить с эскимосами о поездке на остров, все они, прежде всего, спросили, кто едет.

Узнав, что Павлов и Иерок уже дали согласие, они не стали колебаться».

О первых днях и месяцах жизни островитян рассказывают скупые, но яркие строки дневников Г. А. Ушакова (Г. А. Ушаков. Робинзоны острова Врангеля. М. — Л., 1931).

«Угрюмо встретил нас остров. Пароход «Ставрополь», завезший нас, выгрузил продукты и 16 августа 1926 г. покинул остров Врангеля. С этого дня всякая связь с материком была утеряна. В течение трех лет только один раз нас навестили гидропланы. Все эти три года мы были предоставлены сами себе и могли рассчитывать только на свои силы...

Полное незнакомство с необитаемым до нас островом, с его природой и условиями жизни сделало первый год существования колонии самым тяжелым. Постройка жилищ и склада для продуктов и снаряжения заняла первый месяц нашего пребывания на острове.

Не менее важной заботой была заготовка мяса. Колония, имевшая свыше сотни собак и состоявшая преимущественно из эскимосов, без мяса обрекалась на гибель. Поэтому все силы были брошены на охоту. Не один раз приходилось рисковать жизнью, чтобы сколько-нибудь обеспечить колонию моржовым мясом на долгую полярную зиму...

...Северо-восточный ветер густой массой гонит лед вдоль берега. В миле от берега я замечаю льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы тоже видят моржей, но на этот раз они не бегут стремглав к лодкам, а, сбившись в кучу, угрюмо рассматривают море. Оно сегодня не манит охотников.

Резкий ветер поднял на свободных пространствах воды крупную волну. То и дело доносится треск ломающихся льдин. Где пять минут назад была свободная вода, теперь плотная масса льдин. Вот почему эскимосы, всегда готовые броситься на моржей, теперь не двигаются с места.

Надежда на одного Иерока: он энергичный охотник и пользуется славой лучшего рулевого на всем Чукотском побережье. Я отзываю его в сторону.

— Иерок, у нас нет мяса.

— Да, начальник, у нас нет мяса, — соглашается Иерок.

— *Надо ехать.*

— *Да, надо ехать.*

— *Почему же никто не двигается?*

— *Видишь, как быстро гонит лед, какой плохой ветер! Они боятся.*

— *Но зима без мяса еще страшнее.*

— *Да, начальник, ты прав. Без мяса зима страшна.*

— *А ты поедешь?*

— *С тобой поеду. А если мы скажем — надо ехать, они поедут.*

Мы берем оружие и, ни слова не говоря, идем к вельботу. Павлов, слышавший наш разговор, идет вслед за нами. А за ним к нам присоединяются еще пять эскимосов...

Началась полярная ночь. Она была первой и самой трудной в жизни колонии. Жестокие непрерывные метели и отсутствие солнца часто делали невозможными сколько-нибудь отдаленные поездки. Запасы мяса быстро стали уменьшаться. Собак стали кормить вареным рисом и потеряли их почти половину.

Скоро начались заболевания и среди людей. В большей или меньшей степени переболела вся колония. С каждым днем настроение колонистов падало. 19 января 1927 г. круп вырвал из среды колонистов первую жертву: умер самый опытный, преданный и энергичный эскимос Иерок...

Когда я вошел в юрту, Иерок лежал, укутанный в меха, и бредил. Вместо дыхания у него вырывалось хрипение, в груди kloкотало.

Я понял, что старик не перенесет этой болезни. Конец его близок. Больно сжалось сердце. В моей памяти пронеслись моменты, проведенные с ним. Вспомнилось, как он в темную бурную ночь собрал всех охотников и отправился на поиски меня, Таяны и Анакулы. Вспомнилась его маленькая, приземистая фигура, освещенная светом костра, когда он стал на мою сторону и горячо выступил против суеверий своих сородичей. Яркими картинками пронеслись сцены на совместной охоте и длинные вечера в палатке, проведенные вместе... Я терял человека, который понимал меня, был незаменимым товарищем, с которым крепко сроднили пять месяцев совместной жизни и борьбы...

Положение с мясом не улучшалось. Многие болели. Все это привело крайне суеверных эскимосов к мысли, что на острове Врангеля живет очень злой черт, который не желает, чтобы на его земле жили люди...

Оправившись от болезни, я выехал на северную сторону, где, по мнению эскимосов, была штаб-квартира черта, и, на мое счастье, убил медведя. Это был удар по черту. Охотники решили, что он уже не так силен, как они думали, и потянулись на охоту...»

Жизнь первых островитян была суровой, но люди выдерживали тяготы, выходили победителями в борьбе с морозами и пургой, штормами и голодом. Они охотились, вели топографическую съемку и опись острова, метеорологические наблюдения, собирали коллекции минералов и горных пород, зоологические коллекции и гербарий.

— Скучали ли вы?

Теперь мне часто задают этот вопрос.

Обычно я на него отвечаю:

— Да, скучаю. Скучаю по острову, по моим спутникам-эскимосам, по моей упряжке собак, по метелям.

В этом году (1928. — С. У.) мы, видя состояние льдов, не ждали парохода и готовились к четвертой зимовке. «Литке», буквально продравшись сквозь стену льдов, разбил наши планы. Как забились наши сердца, когда мы увидели ледорез! Ведь это был первый пароход за три года...

...«Литке» дал ход. Скрывается в тумане наш домик. Бледнеют очертания берега. Мы уходим от берега. Не раз за три года у каждого из нас срывались проклятия по его адресу. А теперь мы почувствовали, как крепко сжились с ним, с его суровой природой, с его метелями.

Скучали ли мы?»

Так заканчивает свои записи Г. А. Ушаков.

VI

Тем более не скучают современные островитяне, многие из которых родились уже на острове и приходится не только

сыновьями, но и внуками, даже правнуками первым переселенцам с Чукотки.

Подавляющее большинство местных жителей работает в совхозе и занято добычей песка и морского зверя. Поэтому осенью, с установлением санного пути, поселок пустеет: охотники с семьями разъезжаются по своим промысловым избушкам, разбросанным вдоль побережья. Еще до открытия промысла каждый охотник раскладывает на приметных местах, обычно на возвышенностях, остающихся бесснежными и зимой, привады — куски моржового или нерпичьего мяса. Привады обкладываются камнями с таким расчетом, чтобы доступ к ним был лишь с одной стороны.

После того как улетят птицы и скроются под затвердевшим снегом лемминги, жизнь песцов становится трудной и они охотно лакомятся найденной приманкой, вначале «бесплатно», а после открытия промысла — расплачиваясь за угощение своей пушистой шкуркой. Однако добыть песка вовсе не просто. Если летом он неосторожен, постоянно попадает на глаза и не спешит скрыться при виде человека, то зимой, словно понимая, что ценность его шубки резко возросла, песец начинает вести себя очень осмотрительно.

Летом песец выглядит невзрачно. Фото Л. В. Жирнова.

Песцов на острове Врангеля, так же как и на Чукотке, ловят капканами. У каждого охотника есть свои приемы подготовки капканов (очистка от ржавчины, предохранение от посторонних запахов). Ставят ловушку чаще всего под след зверька. Для этого сбоку от тропки, проторенной песцами к приваде, вырывается пологая ямка, в которую и опускается капкан с таким расчетом, чтобы от следа его отделяла лишь тонкая снежная пластинка. Эта поистине ювелирная работа требует навыков, большого терпения и специального, хотя и несложного, оборудования. Переносят и перевозят капканы в особом, чистом мешке, ставят их при помощи узкой длинной деревянной лопатки, надевая чистые, большие нигде не используемые рукавицы. К капкану обязательно прикрепляется цепь с тяжелым чурбаком на конце. Этот «якорь» (он тоже зарывается в снег) не позволяет пойманному зверьку уйти вместе с ловушкой.

Но главные трудности промысла заключаются в другом. Чтобы успешно ловить песцов, нужно расставлять много капканов, располагать большим охотничьим участком. Для этого необходимо содержать собачью упряжку, а значит, суметь обеспечить собак кормом. Десятками километров измеряется дневной маршрут охотника, десятки капканов приходится ему ежедневно поправлять, переставлять, настораживать и снова маскировать. Путь его скупо освещают луна или неяркие вспышки полярных сияний. Снежная пустыня однообразна, уныла, и нужно очень хорошо знать дорогу, чтобы не сбиться. Мороз леденит кровь. Нет-нет да и застигнет человека вдали от жилья жестокая пурга. Ложатся вконец обессиленные собаки. Не остается другого выхода и у охотника, как самому залечь у саней, зябко поеживаясь в кухлянке. Иногда приходится так «пурговать» не одни сутки. Не раз за зиму сойдет кожа на скулах и на носу. И, тем не менее, зима, хотя она и сурова, не особенно страшит островитянина. Больше того, зима считается здесь едва ли не лучшим временем года. По санному пути на собаках всегда можно съездить в поселок, навестить соседа или друга, если даже он живет на противоположном конце острова. Войдя в дом с мороза, приятно посидеть перед растопленной печкой. А если удачен промысел, то, кажется, что и мороз спадает, и забываются недавние невзгоды.

Карта острова Врангеля

В апреле добыча песцов прекращается и подавляющее большинство островитян возвращается в поселок. Опять становитсялюдно на улицах, в магазине, клубе. Больше, чем когда-либо, у охотников выпадает теперь свободных дней (разве что находятся какие-то дела по хозяйству или нужно почистить и привести в порядок песцовые шкурки). Часто по утрам теперь вьется дымок над баней, хотя большую часть года она топится только по субботам. Прибавляется работы у киномеханика: зрительный зал клуба заполняется с середины дня и пустеет к полуночи.

Накануне Первого мая поселок расцветивается полотнищами кумача. В магазине идет особенно бойкая торговля. Собаки получают усиленный рацион, ремонтируются сани и упряжь. Хотя

дома еще утопают в сугробах, остров готовится к весенним первомайским праздникам; как и на севере Большой земли, здесь предстоят традиционные состязания: бега собачьих упряжек, стрельба по мишеням из винтовок. Приз может иметь чисто символическое значение, но победитель получает его с нескрываемой гордостью.

В мае начинается охота на нерпу. Этот промысел не так труден, как песцовый, но тоже требует и мастерства и выдержки. Тюлени выползают на лед, чтобы погреться под солнцем, засыпают, но спят очень чутко и при малейшей опасности ныряют в лунки. Охотник с упряжкой должен пробиться сквозь лабиринт торосов, подобраться из-за укрытия и метким выстрелом с расстояния сто и больше метров поразить нерпу в голову. Промах — и все тюлени скрываются. Нужно ехать дальше, опять продираться сквозь торосы, подползать и скрадывать новую нерпу. Этот промысел длится до тех пор, пока у берегов держится лед. В жизни местного населения он играет важную роль: нерпичье мясо идет на корм ездовым собакам, сохраняется до зимы и используется для песцовых привад. Им не брезгают и люди. Котлеты или жаркое из тюленя предпочитают консервам не только эскимосы или чукчи, но и многие из русских островитян. Печень же нерпы вообще признается на Севере за деликатес. Не меньше нуждается охотник и в нерпичьих шкурах: из них шьются летние непромокаемые штаны, меховые сапоги; шкуры нерп вывозятся с острова как сырье для выделки меха. Во время промысла нерпы иногда удается добывать также лахтаков. Если вес нерпы редко достигает ста килограммов, то лахтак может весить и триста и четыреста килограммов. Мясо его тоже съедобно, шкура незаменима при изготовлении собачьей упряжи, из нее делают лучшие подошвы для обуви, прочные легкие ремни, используемые в моржовом промысле. Но охота на этого тюленя очень трудна. Лахтаки осторожнее нерп, ложатся на льду поодиночке и лишь у краев полыньи. Чтобы подобраться к ним на верный выстрел, охотнику иной раз часами приходится ползти по залитым водой, шероховатым, как терка, льдинам, надолго замирать среди луж в самой неудобной позе.

В летние месяцы попутно охотятся на птиц. На вездеходе или тракторе охотники добираются до своих промысловых изб, приводят их в порядок, завозят туда тюленьё мясо, запас топлива, продовольствия, снаряжение. Немало островитян едет летом на материк, чтобы навестить там родных, а иногда чтобы найти невесту или жениха. Женщинам работы хватает круглый год, но летом ее особенно много. Самое трудоемкое занятие эскимосок и чукчанок — изготовление для семьи меховой одежды и обуви (ими пользуются в основном зимой, а летом — только во время промысла морского зверя; обычно же в летние месяцы население острова носит одежду фабричного производства). Фасоны кухлянок, сапог — торбазов, меховых чулок, штанов, рубах, женских зимних комбинезонов — керкеров и технология их изготовления выработаны тысячелетиями. Поэтому при шитье (обязательно оленьими или моржовыми сухожилиями) выдерживается определенный стандарт. Вместе с тем каждое изделие отражает «почерк», вкус самой мастерицы. Одежда или обувь могут быть не только прочны и удобны, но и щеголеваты. Таким талантом гордятся и швея, и ее муж.

За лето нужно успеть сшить зимнюю одежду: ее в лучшем случае хватает на два сезона. Приходится без конца менять подошвы на торбазах: на льду и камнях они быстро пронашиваются. Необходимо заготовить на весь год запас растений — съедобных или используемых в хозяйстве как-то иначе.

Распространено мнение, что единственной пищей эскимосов и чукчей в прошлом было лишь мясо. На самом деле это не совсем верно. Жители северо-востока Азии, как, очевидно, и вообще высоких широт Арктики, охотно и при каждом удобном случае употребляли только растительную пищу.

Одни растения использовались ими в свежем виде, другие заквашивались и подавались к столу зимой. Современные северяне, несмотря на то что в их рацион входят хлеб и крупы, овощи и фрукты, также используют местные съедобные растения (По определению профессора Б. А. Тихомирова, современные чукчи — обитатели материковых тундр северо-востока Азии — регулярно заготавливают для пищевых целей около пятидесяти видов трав,

кустарничков, кустарников и водорослей). При выделке кож или меха они применяют растительные красители и дубители. Поэтому в погожие летние дни женичины вооружаются специальными крючками и расходятся по тундре. Возвращаются они оттуда с грузом стеблей мытников и камнеломок, с пучками ивовых веток и различными корешками.

После того как вскрыется море, начинается промысел моржей. От его удачи до недавнего времени вообще зависело благополучие эскимосов и прибрежных чукчей. Морж давал им мясо для еды и кормления ездовых собак, шкуры для постройки жилищ и лодок. Желудки и кишки использовались для шитья непромокаемой одежды и изготовления домашней утвари, сухожилия моржа заменяли нитки. Не пропадали даже кости животных: их использовали для постройки лодок и саней. Кости применялись и как кухонная утварь: лопатка моржа, например, заменяла блюдо. Наконец кости моржей заменяли дрова: их поливали моржовым же жиром и сжигали в очагах.

Характерно, что у народностей Севера, живущих вблизи морских побережий, существуют различные, иногда многочисленные названия для старых и молодых моржей, для самцов и самок, причем звери каждой возрастной и половой группы в хозяйстве используются особо. Эскимосы острова Врангеля (как и Чукотки) называют старого самца антохпак, чукчи — кытхвайю; шкуры таких животных, очень толстые, морщинистые, с многочисленными рубцами и шрамами, вообще не поддаются обработке. Не особенно ценится и их мясо — очень грубое и жесткое. Старая самка, агнасалик — по-эскимосски или наурырка — по-чукотски, дает хотя и толстую, но большую шкуру, пригодную для постройки байдары. Мясо ее тоже жесткое, однако немного нежнее, чем у старого самца. Шкура молодого, но уже подростшего самца, которого эскимосы называют ункавак, хороша для изготовления ремней. Мясо его, так же как и молодой подростшей самки (по-эскимосски — айвок), неплохое на вкус и довольно нежное. Из шкуры совсем маленького детеныша, который по-эскимосски называется кассекак, а по-чукотски — кайрырка, можно делать подошвы для торбазов. Мясо его наиболее нежно. Конечно, роль

моржей в жизни островитян в последнее время значительно уменьшилась, однако до сих пор остается существенной. Каждое хозяйство в течение года использует для корма собак, ловли песцов и отчасти для питания не менее пяти-шести туш животных. Неизмеримо легче стал и моржовый промысел. Зверобои выходят в море на быстроходном катере. Прибуксированную добычу вытаскивает на берег трактор. Он же немало помогает и при разделке туш. Важным подспорьем для местного населения стало разведение домашних оленей. Небольшое стадо домашних оленей было завезено с Чукотки совсем недавно, в середине 50-х годов. Завозили их с опаской: выживут ли переселенцы на этой суровой земле, будут ли они круглый год обеспечены кормами? Но результаты опыта превзошли все ожидания: олени не только выжили и размножились (в стаде теперь несколько тысяч голов), но и успели сильно измениться, причем в лучшую сторону. Средний вес оленьей туши на Чукотке достигает пятидесяти килограммов, на острове Врангеля он в полтора-два раза больше. Чукотские олени к весне сильно худеют, островные остаются жирными круглый год. Конечно, этому есть объяснение: на острове нет волков, комаров. А быть может, дело в том, что стадо не опекают пастухи. Олени здесь пасутся там, где желают, они встретили на острове привольную и отнюдь не беспокойную жизнь. Надо полагать, что и пастбища здесь оказались не хуже, чем на материке.

В 1926 г., с началом освоения острова, на нем была организована полярная станция. Ее постройки — жилые дома, мастерские, склады, радиостанция — размещаются на прибрежной песчаной косе в нескольких десятках метров от поселка. В течение сорока с лишним лет здесь регулярно ведутся наблюдения за погодой и снежным покровом, за морскими водами и льдами. Сведения о здешней погоде несколько раз в сутки по радио сообщаются на материк.

Жизнь современных островитян, даже в благоустроенном поселке, конечно, имеет свои особенности; одни из них вообще свойственны Арктике, другие присущи только этой суше.

Внимание свежего человека в первую очередь обращают на себя собаки. У каждого жилого дома привязана (если она не в пути)

упряжка, стоят несколько саней. Лай, вой и визг — обычный на улицах шум. «Собачья тематика» — обсуждение достоинств или недостатков четвероногих помощников — занимает в разговорах людей далеко не последнее место. Хорошая упряжка — предмет гордости владельца, возжелений и зависти его соседей. Это и не удивительно: собачий транспорт все еще очень важен на Севере, и в то же время немало труда стоит обеспечить собак кормом.

Не так просто добыть здесь воду. «Сыръем» для нее большую часть года служит снег, а «снеголомни» размещаются в ближайших к поселку сугробах. Разрабатываются они при помощи пил, и отсюда к домам снежные блоки подвозятся на собаках. Особенно оживленная работа в «снеголомнях» идет по субботам, в «банные дни». Основным видом топлива на острове служит каменный уголь, доставляемый сюда пароходом. Большая куча угля на прибрежной косе зимой сильно смерзается, и островитянам он достается не легче, чем горнякам.

Основу питания большинства населения составляет мясо. Зимой и дома и в пути едят наструганную ножом мороженую сырую оленину (с ней могут соперничать по своему вкусу лишь немногие из «цивилизованных» блюд). В русских семьях к строганине подается соус из уксуса, горчицы, соли и перца. Эскимосы и чукчи чаще обходятся без приправы, но зато в их меню есть свое острое блюдо — копальгин — свернутое вместе с кожей в виде рулета и заквашенное моржовое мясо. Копальгин, если он сохранился до этого времени, едят и летом.

Чтобы познакомить здешних школьников с белым медведем, вовсе не обязательно вести их на экскурсию в зоопарк (которого на острове, конечно, нет). Случается, что в подходящий момент живого дикого зверя учитель показывает им из окна классной комнаты. Зато самое обычное в средних широтах животное подчас поражает и удивляет местного жителя. Рассказывают, например, какое впечатление произвела здесь первая коза, привезенная на полярную станцию. От нее разбегались в ужасе не только дети, но и собаки. Даже взрослые охотники, много повидавшие на своем веку, не раз отражавшие в море атаки разъяренных моржей, прежде чем

выйти на улицу, опасно выглядели из дома: не идет ли где «рогатое чудовище».

Медведя у поселка первыми встречают собаки. Фото В. К. Орлова.

У современных эскимосов и чукчей, хотя никто из них, за исключением стариков, не жил в сделанных из шкур ярангах, сохранилось немало обычаев предков. Эти народы всегда любили танцы, но в тесной яранге на долю танцора приходилась площадь, равная подошвам его сапог. И сейчас, в просторных деревянных домах, нередко танцуют, не двигаясь с места, либо сидя, либо стоя. Местные танцы, следовательно, исполняются лишь при помощи торса и рук; однако эта особенность нисколько не лишает их динамичности и выразительности (они главным образом изображают разные сцены охоты). В обиходе женщин бытуют, казалось бы, и неудобные теперь, но традиционные, пришедшие из яранг орудия вплоть до ножей, имеющих совсем необычную, полулунную форму.

Современные охотники, даже молодежь, обычно с уважением относятся к ворону — «положительному» персонажу многих сказаний и легенд, родившихся в давнюю пору, в долгие зимние вечера под сводом яранги.

Хотя в домах есть стулья, эскимосы и чукчи предпочитают сидеть и работать на полу. Обычно они пользуются столами с короткими ножками. Это тоже дань прошлому — жизни под низким меховым пологом яранги.

V

Жителей здесь, в общем, и сейчас немного. Поэтому наши, хотя и небольшие по числу участников, экспедиции заметно пополняли население острова. Из зоологов кроме меня здесь были Феликс Борисович Чернявский и Александр Александрович Кищинский. Первый из них принимал участие в экспедиции 1964, второй — 1969 г. (А. А. Кищинский работал на острове также в 1970 г.) Оба они, хотя их с полным основанием можно было отнести к категории

молодых людей, были уже зрелыми исследователями, путешественниками по Северу и авторами многих научных работ. В составе экспедиции были и охотоведы, и в их числе — Юрий Анатольевич Герасимов, известный специалист по обездвиживанию диких животных; были и ботаники. В 1964 г. в состав экспедиции входили также кинооператор Анатолий Александрович Попов, большой мастер своего дела, и его юный ассистент Игорь. Участниками нашей работы и незаменимыми помощниками были местные охотники, великолепные знатоки острова и его природы — эскимос Василий Алексеевич Нанаун и чукча Ваня Ульвелькот.

У подножия птичьего базара еще был лед. Фото автора.

В задачи наших экспедиций входило изучение жизни редких животных Арктики — белых медведей и белых гусей и разработка мер, способствующих их охране и восстановлению. Нам предстояло также обследовать птичьи базары и определить запасы обитающих на острове песцов, вообще уточнить состав местного животного населения. Наконец, нам следовало выяснить, годится ли остров для первого опыта акклиматизации в советской Арктике овцебыков. Когда-то они были широко распространены на острове (сейчас здесь встречаются их ископаемые остатки), но теперь сохранились только на севере Америки и в Гренландии. В некоторых местах, в том числе на Шпицбергене, в последние десятилетия они акклиматизированы. У овцебыков хорошее мясо и прекрасная шерсть, они в состоянии довольствоваться самыми скудными пастбищами арктических пустынь и не считаются конкурентами северных оленей; не исключена перспектива превращения их на Севере даже в домашних животных. Поэтому вопрос о возможности завоза этих животных в СССР и их акклиматизации давно уже обсуждается советскими зоологами. (Экспедиция установила, что климатические условия, рельеф и кормовые возможности острова вполне благоприятны для жизни стада по крайней мере из нескольких сотен овцебыков. Отсюда, как из питомника, они могут расселяться дальше, на другие арктические острова и участки материкового побережья).

Но основным объектом наших исследований были все-таки белые медведи. Помимо выяснения недостаточно изученных или

вовсе не изученных сторон жизни зверей нам предстояло провести здесь полный учет медвежьих берлог. Таким путем мы рассчитывали узнать, сколько животных обитает в Арктике, увеличивается или уменьшается их поголовье.

Нужно сказать, что определение общей численности белых медведей, весьма важное для организации их охраны, представляет собой отнюдь не легкую задачу, поскольку звери рассеяны на громадных и труднодоступных для человека пространствах. В принципе, казалось бы, всех их можно пересчитать «по штукам» или «по головам» с самолета. Но такой путь слишком трудоемок и дорог: для одновременного облета всей Арктики потребовались бы десятки самолетов. Кроме того, летом медведей часто скрывает во льдах туман, зимой они исчезают в сумраке полярной ночи. Да и не так-то просто провести эту работу одновременно в пяти государствах, владеющих Арктикой, а, следовательно, и белыми медведями. Приходится поэтому проводить учет на сравнительно небольших площадях Арктики и распространять полученные данные на весь ареал (Область распространения) животного (а при этом возможны очень большие ошибки) либо искать косвенные показатели. Ими-то и могут быть данные о количестве берлог в основных медвежьих «родильных домах». Где находятся такие «родильные дома», сейчас известно; с той или иной степенью достоверности можно судить и о том, какая доля общего количества берлог в Арктике приходится на остров Врангеля, а также какую долю среди поголовья медведей составляют беременные, то есть залегающие в зимние убежища, самки... Используя эти сведения и зная, сколько убежищ находится на острове, можно, конечно, приблизительно, зато с малыми тратами сил и средств определить современную численность зверей. Проводя здесь учет берлог из года в год, можно получить представление и о том, сокращается эта численность или увеличивается, достаточны ли существующие меры и формы охраны белых медведей.

Предстояло нам также освоить на острове обездвиживание и мечение белых медведей.

Мечение, например, ножными алюминиевыми кольцами птиц получило широкое распространение в зоологических исследованиях.

Оно позволяет установить, куда и как мигрируют животные, остаются ли неизменными места их размножения и зимовок, какова продолжительность их жизни и многое другое. В данном случае мечение преследовало также особую цель — организацию более действенной охраны белых медведей. Ведь только так можно выяснить, насколько протяженны перемещения зверей, придерживаются ли они во время кочевок каких-то определенных районов, скажем, морей или даже их участков, или бродят по всей Арктике, а следовательно, все поголовье их представляет единое, постоянно перемешивающееся стадо. Естественно, что в первом случае (если действительно существуют «норвежские», «канадские» медведи или медведи, обитающие только в СССР) отношение к животным будет внутренним делом отдельных государств; во втором случае охрана белых медведей превращается в международную проблему и потребует усилий всех арктических стран.

Медвежий «родильный дом»

Двадцатое марта. Хотя температура воздуха и днем не поднимается выше минус двадцати, солнце заметно прогревает. На припеке, на южных склонах холмов, показались черные пятна первых пропарин: снег в этих местах не растаял, а испарился, минуя жидкое состояние.

Островитяне рады недавно появившемуся светилу. На завалинке полярной станции, сняв рубашки, однако в валенках и ватных штанах с утра сидят и загорают, болтая о том, о сем, полярники. Блаженно жмурятся, растянувшись на снегу, собаки. В такую погоду с удовольствием принимают солнечные ванны и лемминги. Всюду вокруг поселка показались на поверхности снега их норки.

Лемминг. Фото автора.

Сегодня наш первый маршрут на вездеходе на восток острова. В машину, несмотря на более чем скромную вместимость ее кузова,

набилось полно людей. Здесь и вся наша экспедиция, и просто наблюдатели — свободные от вахт полярники. Здесь же бочка с бензином, киноаппаратура, какие-то ящики, поверх них — коробки с петардами и дымовыми шашками. Погрузочно-посадочная суতোлка, и вездеход трогается. Он пробегает по льду лагуны, карабкается на крутой коренной берег, а затем долго пляшет на плотных, будто окаменевших, застругах. Тяжело прыгая по снежным барханам, с размаху ударяясь о них, вездеход оставляет на снежной поверхности лишь едва заметные отпечатки гусеничных траков. Путь длится час, другой, третий; люди и предметы успели найти свои места, в кузове стало относительно свободно. И вот, наконец, остановка. Мы в верховьях Снежной, на заранее намеченном «перспективном» участке.

Дальше по двое или поодиночке, захватив на всякий случай карабины или ракетницы, сунув в карманы две-три петарды, расходимся по распадкам. Вооружившись карабином и петардами, я отправляюсь один. Вдали постепенно затихают человеческие голоса, скрип шагов, и воцаряется какая-то особая, звенящая тишина; кажется даже, что стук сердца и шум собственного дыхания отзываются окрест многократным эхом. Как и на побережье, здесь совсем по-весеннему припекает солнце. Идти в меховой одежде тяжело и жарко. То и дело приходится протирать запотевшие очки-светофильтры, а сняв их, невольно жмуришься, защищаясь от потока слепящего света, источаемого солнцем и снегом. Пересекаю несколько увалов, спускаюсь на дно глубокого каньона и... неожиданно для себя натываюсь на берлогу.

Продух в снегу выдает еще не вскрытую берлогу. Фото автора.

Это убежище еще не вскрыто медведицей, я мог и не заметить его, тем более что берлога устроена у подножия склона и вход в нее сверху и с боков прикрыт козырьком снежного надува. Чело берлоги, отдушину диаметром немногим более кулака, легко принять за торчащий из-под надува камень. Однако следы дыхания медведицы и медвежат, запечатлевшиеся на сине-белой снежной стенке яркими желтыми разводами, выдают отсюда, снизу, их убежище.

Присмотревшись, начинаю различать и иней, осевший по краям

отдушины, и свисающие с козырька небольшие сосульки. Сомнений нет: где-то здесь, совсем рядом, быть может прямо подо мной, лежит с малышами «матуха», как называют медведиц местные охотники. (В начале мая мне пришлось быть здесь еще раз, и я действительно увидел берлогу, хотя и покинутую семейством, но еще хорошо сохранившуюся). Медведица, конечно, слышит человеческие шаги и вряд ли рада моему появлению.

Медведица с медвежатами уже покинула эту берлогу. Фото автора.

Позже мы на опыте убедились, что к жилой берлоге, даже вплотную, может без всякого для себя риска, подходить и невооруженный человек. Худшее, что его ожидает, — он увидит на мгновение показавшуюся из-под снега голову зверя и услышит его недовольный голос. Но сейчас рука невольно потянулась к висящему за спиной карабину. С оружием наготове, ступая как можно легче (перспектива провалиться в убежище медведицы мне не показалась заманчивой), отхожу на несколько шагов, открываю планшет и наношу на карту первую найденную берлогу.

Можно идти дальше. Оглядываюсь по сторонам и невдалеке на увале замечаю одного из своих спутников. Он лежит на снегу, распластавшись, сняв шапку, и, заглядывая поверх заструга, по-видимому, с любопытством за чем-то наблюдает. Вскоре и я лежу рядом с ним и оказываюсь очевидцем интересного зрелища. На противоположном, освещенном солнцем склоне большим округлым пятном чернеет вскрытая берлога. Перед входом в нее хорошо выделяется на гладкой поверхности надува куча снежных комьев, виднеется несколько ямок или пещер, явно выкопанных живыми существами. Сняв шапку, я еще больше вытягиваю шею и замечаю на дне оврага обитателей жилища — медведицу с двумя медвежатами. Мать, топчась на одном месте, что-то разыскивает под снегом, временами погружаясь в яму с головой (как потом выяснилось, ее привлекали здесь, за неимением лучшей еды, чахлые стволы ползучих ив). Малыши, хотя и небольшого роста, но уже бойкие и юркие, то суются к матери в яму, то затевают игру: один за другим карабкаются вверх по крутому склону, а затем с увлечением скатываются вниз на животах.

Наши наблюдения прервал зафырчавший вдали мотор вездехода. Едва послышался шум, как медведица насторожилась, осмотрелась, а затем махами бросилась к берлоге. Ее обогнали и первыми исчезли в убежище медвежата. Мать напоследок еще раз оглянулась и будто провалилась под снег, удивительно шустро и ловко втиснув свое большое тело в узкий лаз.

В поселок возвращаемся затемно в хорошем настроении. Расчеты на вездеход, пожалуй, оправдываются: и зимой на этой гористой суше он оказывается неплохим транспортным средством. За день найдены и отмечены на карте три вскрытые жилые берлоги. Все эти убежища были обнаружены дважды: сначала при пешем обходе распадков и увалов, а затем, уже другими наблюдателями, с вездехода. Значит, и при учете берлог с этой машины могут быть получены достаточно точные результаты.

Собачьи упряжки в пути. Фото автора.

Через день, уже на собачьих упряжках (шум мотора и запах бензина могли осложнить работу), в маршрут отправились наши кинооператоры. Им предстояло снять у берлог медвежьих семейства. Однако на этот раз будто злой рок обрушился на Анатолия Александровича и Игоря: неудачи преследовали их одна за другой. Они начались еще на старте, в поселке. На две нарты уже был уложен объемистый багаж путешественников: киноаппаратура и штативы, ящики с пленкой, спальные мешки и палатки, запас продуктов и собачьего корма; Каюрам и пассажирам оставалось лишь захватить какие-то забытые в домах мелочи. И тут-то, воспользовавшись безнадзорностью, одна из упряжек рванулась, плохо державший ее остол (толстая палка с железным наконечником) сдал, и собаки, набирая скорость, помчались по накатанной дороге вниз с пригорка.

Привязанные у домов псы, завидуя, а может быть, сочувствуя беглецам, взвыли разноголосым хором. Наперерез упряжке кинулись люди, но безуспешно. Собаки теперь сами спасались от наступающих на них саней и бежали все быстрее. На крутом повороте сани упали на бок и поволоклись, вздымая снежную пыль, теряя поклажу. Разбросав груз, упряжка продолжала мчаться, не снижая скорости, и вот-вот скрылась бы среди торосов, на припае.

Сани, конечно, не выдержали бы ударов о льдины и рассыпались бы на составные части... Однако уже на последних метрах суши нарты зацепились за оттяжку радиомачты, и собаки стали. Ремонт саней под ухмылки собравшихся островитян, новая погрузка, увязка поклажи, к счастью почти не пострадавшей при падении, — и наши путешественники наконец тронулись в путь.

С утра в этот день стояла тихая, солнечная погода, но уже к обеду над вершинами синеющих вдали хребтов повисли белые облачка. Они, казалось бы, не были ничем примечательны, но старожилы посматривали на них настороженно; это были предвестники приближающейся пурги. Действительно, прошло еще немного времени, и струйки снежной пыли потекли с ближайших к поселку увалов. Ветер все крепчал. Ручейки поземки слились в один общий поток. Солнце померкло. За стенами домов загрохотала, застонала пурга. Упряжка встретила с ней, едва отъехав от поселка на десяток километров. Собаки легли, утомленные борьбой с ветром и снежными вихрями. Пришлось поставить в ближайшем распадке палатку и забраться «пурговать» в спальные мешки.

Путешественники пережидали пургу двое суток. Но и на этом их испытания не кончились. Тронувшись при первой возможности дальше, они попали в новую переделку.

Мерно поскрипывая, сани опять подпрыгивали на застругах, часто семеня по снегу собачьи лапы. Пригревало солнце. Порядком померзнув и помучившись в тесной палатке, не только кинооператоры, но и каюры клевали носами. Нарта Анатолия Александровича отстала. Вдруг собаки, на которых он ехал, резко свернули в сторону и с азартным лаем бросились к берлоге, не замеченной предыдущей упряжкой. То ли от толчка, то ли с перепугу, не сообразив сразу, в чем дело, первым слетел с саней каюр. Нарта помчалась еще быстрее. Анатолий Александрович, пока еще ничего не понимая, лишь крепче ухватился за веревки, прижимая кинокамеру к груди. Он свалился уже у самого входа в берлогу, и на его глазах нарта вслед за собаками исчезла в убежище. Из-под снега слышались рев, визг, и тут же на поверхность стало вылетать все то, что еще недавно было упряжкой. Происшествие длилось секунды. Следующей картиной были валявшиеся обломки нарт,

растерзанная поклажа, окровавленные и корчившиеся на снегу собаки... О продолжении маршрута не могло быть и речи. Оставив невдалеке почти весь груз, на уцелевших санях злосчастные путешественники вернулись в поселок.

...Дождавшись окончания пурги, я поднялся на одну из ближайших к поселку гор, сел на камень и осмотрелся. Ветер совсем стих, но солнце смутно проглядывало сквозь дымку неярким малиновым диском. Где-то слышался крик ворона, единственного на острове пернатого зимовщика. Из-под снега почти у моих ног блеснули бусинки-глаза. После долгих колебаний копытный лемминг выбрался наружу, прокатился пушистым светло-серым шариком и скрылся в соседней норке.

Один из дальних склонов сплошь заснежен, на поверхности его угадываются гряды заструг, желоба, недавно промытые поземкой. На фоне снега виднеется какое-то темное пятнышко. Бинобль превращает его в нечто более конкретное: медведицу с двумя медвежатами. Звери идут довольно быстро, деловито, не меняя направления. Мать впереди, малыши один за другим сзади. Семья держит путь к ближайшему участку побережья. Дальше, почти на границе суши и припая, бинобль открывает еще одну семью; третья показывается на гребне хребта. Видимо, начался массовый уход медведиц с острова на льды, а раз так — наступило лучшее время для поисков и учета медвежьих берлог.

Палаточный городок экспедиции. Фото автора.

Ранним утром двадцать восьмого марта вездеход вышел в свой следующий маршрут. На этот раз нам предстояло обследовать центральную часть острова, достигнуть горы Китовой, где, по рассказам, ложится много медведиц, наметить место будущего летнего лагеря у горы Тундровой. Вновь суতোлка с посадкой и погрузкой, теснота в кузове на первых километрах пути, пока люди и вещи не нашли своих мест... Теперь с нами нет праздных зрителей, но груза прибавилось: поскольку маршрут продлится дня два-три, захватили не одну, а две бочки с горючим, спальные мешки, оленьи шкуры, запас продуктов.

Горные хребты перед поселком труднопроходимы, поэтому решаем пересечь их западнее, от бухты Сомнительной.

Без происшествий минуем равнинную часть пути, взбираемся на перевал, и перед нами открывается величественная панорама горной страны. К востоку тянутся громады Центральных гор. Венчают их тающие вершинами в мгlistом небе самые высокие на острове пики Советский и Берри. Впереди, на севере, виднеется гора Маяк, дальше — гора Первая. На западе, действительно похожие на стадо спящих исполинов, громоздятся кряжи Мамонтовых гор. Строго и даже мрачно величие этих гор. Куда ни взглянешь, склоны почти бесснежны и подчас чуть ли не до самых вершин покрыты пологими каменными россыпями. Здесь нет мест, пригодных для устройства берлог. разве что самые невзыскательные из медведей ложатся в хилых наносах, белеющих кое-где в распадках и речных долинах.

Но жизнь в этой горной пустыне все-таки теплится. На рыхлом снегу, укryвшемся от ветра среди заструг и камней, начинают попадаться отпечатки широких, похожих по форме на полумесяц оленьих копыт, а вскоре показывается и олень стадо. Оно сгрудилось в низине и, как периной, окутано густым облаком пара. Виднеется только часть стада, ближайшая к вездеходу, и, тем не менее, бросается в глаза, что олени непрерывно топчутся на месте, с краев протискиваются внутрь стада, где, конечно, теплее (мороз сегодня около сорока).

Наиболее крупное стадо диких северных оленей обитает в СССР обитает на полуострове

Вперемежку с оленьими кое-где видны и песцовые следы. Вряд ли это случайно. Разбивая копытами плотный снег и добираясь до растительности, олени, вероятно, раскапывают подснежные жилища леммингов, облегчая песцам охоту на зверьков.

Яркие пятна накипных лишайников, красных, рыжеватых, желтых, местами расцвели отвесные утесы. Необычно смотрятся эти «цветники». Они, презревшие морозы и пургу, воспринимаются сейчас как символ самой жизни, вечной и всепобеждающей.

Последний перевал — и открывается обширная равнина тундры Академии. На горизонте вновь показывается скованное льдами море. Конечная цель маршрута близка.

На таких склонах чаще всего встречаются берлоги. Фото автора.

Гора Китовая — невысокий вытянутый кряж, до вершины заметенный снегом. Еще издали замечаем на склоне берлогу, потом еще одну. К первой карабкаемся вдвоем с Феликсом. Склон крутой, до берлоги метров пятьдесят. Подняться к ней можно только по ступенькам. С собой мы взяли топор и лопату, но от лопаты толку мало. Даже топор, со звоном ударяясь о надув, с трудом вгрызается в него, высекая брызги снежной пыли. Наша лестница медленно растет, обходит сбоку медвежье убежище — и вот оно рядом. На полу в коридоре скопился свежий снег. Значит, берлога пуста, семья уже покинула ее.

На всякий случай бросаем внутрь куски снега, прислушиваемся. Тихо. Лаз узкий, сантиметров восемьдесят в диаметре. Медведица проходила в него свободно, но человек, тем более в кухлянке, протискивается сюда с трудом. Первым заползает в берлогу Феликс, он меньше меня. Будто уже из недр самой горы Китовой раздается его приглушенный крик: «Еще есть место, заходи». «Захожу», конечно, тоже ползком. Прямой горизонтальный коридор длиной метра два, ступеньки вниз, и вот сама берлога. Хотя уже вечерет, здесь всего лишь полумрак. Видно, что помещение просторное, яйцеобразной формы. Вдвоем мы свободно сидим здесь, при желании можем и лежать. Нельзя только встать в полный рост (высота камеры оказалась равной ста шестидесяти сантиметрам). На голубоватых стенах и потолке тускло поблескивают кристаллики снежных зерен. Пол темнее: затоптан лапами жильцов. Измерив сантиметровой лентой берлогу и выкурив по сигарете, с неохотой выбираемся наружу — так здесь уютно, тихо и чисто.

Засветло успеваем осмотреть, обмерить, описать еще две берлоги, потом ужинаем: едим консервы и пьем чай (все это разогрето на паяльной лампе) — и как-то умудряемся втиснуться все вместе в вездеход спать. В машине теплее, чем под открытым небом, хотя бы потому, что всю ночь через полчаса — час приходится заводить и прогревать мотор. И все равно даже в спальном мешке совсем не жарко. Ноги мерзнут. Кто-то не

выдерживает и, ступая прямо по телам, пробирается к выходу. Человек топчется, бежит вокруг вездехода (слышно, как звонко скрипит под ним снег), Но, заморозив нос, опять протискивается в «братскую могилу». Под утро, еще в сумерках, поднимаемся почти все сразу с одним желанием — отогреться чаем; дрогнуть в мешках уже не вмоготу.

День уходит на обследование гор Китовой и Тундровой. Особенно тщательно обходим и объезжаем Китовую, но берлог здесь оказывается меньше, чем можно было ожидать: всего семь. Все они уже пусты, хотя следы зверей у некоторых берлог совсем свежие — вчерашние или позавчерашние. Всюду одна и та же картина: медведица раскапывала снег у подножия склона, вырывая ямы до метра глубиной, ела траву, ветки и стебельки ив. Медвежата резвились, съезжали с гор. По всем распадкам тянутся цепочки следов матерей с детенышами, шедших самой короткой дорогой к морю.

Заманчиво было бы увидеть самих обитателей берлог, освоить с помощью вездехода «бескровную» ловлю медвежат (чтобы добыть их, медведиц до недавнего времени убивали). Бинокли то и дело обшаривали окрестные склоны, тундру Академии, но тщетно. И вдруг из-за ближайшего мыса совсем рядом с вездеходом неожиданно вышли медведица с медвежонком! Звери шли спокойно: она медленно ступала, наклонив к земле голову, малыш то отставал, то трусцой забегал вперед и путался у матери под ногами. Услышав взревевший мотор, медведица тотчас обернулась. На какие-то мгновения она застыла, рассматривая источник шума и беспокойства... и вопреки ожиданиям пустилась бежать не по равнинной тундре, а узким, извилистым распадком обратно в сторону гор. Переваливаясь на застругах, вездеход двинулся в погоню. Но где там! Звери, словно они хорошо знали возможности машины, ее «слабые места», взбирались на крутые каменные россыпи, ныряли в глубокие каньоны и на первом же километре исчезли из поля зрения.

Семь уже покинутых убежищ найдены и на склонах горы Тундровой. Итак, двухдневный «счет» — четырнадцать берлог! С юга к горе Тундровой подходит обширная котловина, из года в год

дающая приют множеству белых гусей. Через месяц-другой придется жить в ней и нам. Здесь есть холмы, ручьи, текущие по многочисленным оврагам. Но все это летом. Сейчас снег до предела упростил рельеф, и нелегко решить, где лучше будет соорудить наш лагерь, обосноваться так, чтобы палатки стояли на сухом и ровном месте, недалеко от воды, были укрыты от сильного ветра и в то же время находились по возможности близко к гусиному гнездовью. Еще одна ледяная ночь, потом день пути по горным кручам, подъемы и спуски, многие из которых сошли бы за великолепные цирковые трюки (обратно мы едем прямым путем, а в горах это вовсе не значит, что самым легким и коротким), — и вот уже поселок. Пышущая жаром печка, заслуженная чарка к ужину, блаженный сон...

Вечереет... Фото автора.

Дни становились все длиннее. В начале апреля солнце можно было видеть на небосклоне еще и в девять вечера. До десяти длились сумерки, и лишь позже в небе вспыхивали первые звезды, разгорались сполохи. Но зима не сдавалась, морозы даже стали сильнее, зачастили вьюги.

В очередной маршрут мы отправились на собаках. Нас четверо: Феликс, я, двое каюров — Нанаун и Ульвелькот. Первый из них — сухощавый старик небольшого роста с добрым, улыбчивым лицом, второй — средних лет, кряжистый, на первый взгляд мрачноватый. Нанаун, последний из живых спутников Ушакова, без малого сорок лет провел на острове и знает его как свои пять пальцев. О лучшем проводнике нельзя и мечтать. Старик прихварывает: еще прошлой зимой сломал ногу. Но просьба экспедиции о помощи льстит ему. Согласие Нанауна решило успех наших переговоров и с Ульвелькотом. Ваня — владелец лучшей здесь упряжки и вообще один из самых «справных» охотников.

Выезжаем вечером в расчете на ночлег в Ваниной избе: до нее от поселка километров тридцать. С Ваней едет Феликс, с Нанауном — я. Ударяясь о гребни заструг, подпрыгивает и скрипит тяжело груженная нарта. Старик молчит. «Кх-кх», «подь-подь», — время от времени подправляет он бегущих собак, где-то тормозит, чертя снег остолом. Дорога хорошо видна: светят сполохи. Через весь

небосклон с востока на запад протянулись два гигантских желтовато-розовых змея. Они то ползут куда-то, лениво извиваясь и точно повторяя движения друг друга, то замирают и подолгу лежат недвижимы. Но вот тела их переплетаются в судорожном объятии, катятся клубком, ярко вспыхивают и вновь распадаются. Змеи опять ползут, сливаются, расходятся и незаметно исчезают, превращаясь в занавесь. Но и занавесь тоже не стоит на месте. Она колеблется, желтеет, зеленеет, становится алой, снова желтой. Палитра невидимого художника постепенно иссякает. Складки устойчиво синеют, распрямляются, занавесь взлетает ввысь и принимает обличье большущей запятой.

Часами можно неотрывно смотреть вверх, поражаясь бескрайней фантазии природы, вышивающей в темном небе замысловатые узоры сияний. Лениво роясь, сменяют одна другую мысли. Нанаун молчит. Замечаю, что он тоже смотрит вверх. Значит, и ему еще не наскучило это зрелище. О чем он думает? Возможно, вспоминает молодые годы, удачные охоты, несбывшиеся мечты... Все может быть.

С головы до пят мы в оленьих мехах: меховые рубахи — кухлянки, на ногах мягкие меховые сапоги — торбаза, меховые же чулки — липты. И все равно мороз добирается до тела. Постепенно немеют пальцы ног, холод ползет по лопаткам. Пора погреться. Соскакиваю с саней и трусцой бегу рядом сотню-другую метров. То же проделывает Нанаун. «Греясь», лучше держаться за дугу, укрепленную поперек нарты. Собаки, почувствовав облегчение, прибавляют скорость, норовя вообще освободиться от груза. Не случайно за санями тянется длинная веревка. Упал человек с саней, замешкался — у него все-таки остается последний шанс не распрощаться с упряжкой, поймать конец веревки.

Пора, наверное, рассказать о том, как вообще ездят на собаках. На острове Врангеля, как и всюду на востоке Сибири, их запрягают цугом, одна пара за другой, по бокам потяга — длинной веревки, ремня или куска нетолстого стального троса. На севере Западной Сибири и Европейской части ездят иначе: там чаще пользуются веерной упряжкой, когда собаки бегут рядом в одной шеренге. И тот и другой способы имеют свои преимущества и

недостатки. В первом случае собаками управляют голосом, во втором — возжгой. Езда цугом требует собак более «высокой квалификации», лучшие обученных, чем при езде веером, она не так маневренна (нельзя, например, повернуть нарту круто в сторону), зато экономнее расходует собачьи силы. При цуговой упряжке на нарту можно положить большие груза, легче проехать по морскому льду, среди торосов, по дну узких оврагов, по глубокому, рыхлому снегу. И в том и в другом случае в сани запрягают от восьми до двенадцати собак. С поклажей в четыреста — пятьсот килограммов по приличной дороге упряжка движется со скоростью до семи-восьми километров в час.

Собачий транспорт существует на Севере с незапамятных времен. И, тем не менее, даже в наши дни он себя не изжил. Четвероногие помощники выносливы, неприхотливы, способны пройти там, где уже нет пути вездеходу. Для них не существует нелетная погода. Здешняя собака не просто «друг человека», а необходимый рабочий скот, без которого в тундре не проживешь. Поэтому взаимоотношения ее с хозяином здесь своеобразны, строятся, как правило, на чисто утилитарной основе и лишены каких бы то ни было сантиментов. По собачьим спинам то и дело гуляет тяжелый остол, однако захромавшего пса каюр отпряжет, а то и посадит на сани. При насте, на колючем весеннем льду, хозяин не поленился надеть на каждую собачью ногу специально сшитые из нерпичьей кожи «сапоги», а на привалах терпеливо штопает десятки порванных подметок.

Суета в поселке — верный признак сбора упряжек в дорогу. Фото автора.

Труд собак тяжел, и, тем не менее, каждая поездка воспринимается ими как радостное событие. Дома собак постоянно держат на привязи, поэтому сборы в дорогу всегда проходят под веселый возбужденный лай. Еще бы, можно будет размяться, а при случае и свести старые счеты с соседями! В цуговой упряжке до тех пор, пока собаки не выдохлись, они трудятся особенно увлеченно и азартно и к своей работе относятся словно к интересной игре. Каждая из них преследует и изо всех сил старается догнать предыдущую. Исключение составляют лишь собаки передовой пары:

их удел — спастись от преследования (остановиться и завязать драку «правила игры» не позволяют: каюр здесь выступает в роли строгого судьи).

Конечно, важную деталь в собачьем транспорте составляет нарта. В изготовлении ее чукчи и эскимосы достигли необычайного совершенства. Местная нарта прочна, легка, вслед за собаками протискивается в самые узкие щели (наши кинооператоры совсем недавно имели случай в этом убедиться). На ходу она «дышит» всеми своими сочленениями, изгибается, как змея, скрипит, но даже при тяжелом грузе и сильных ударах не рассыпается. В большой мере это объясняется тем, что в ней нет ни одного гвоздя: все ее части лишь хитро скреплены ремнями.

* * *

Небо постепенно заволакивается облаками, сияние тускнеет, и к Ваниной избе мы подъезжаем темной ночью. Жилье по крышу замечено снегом и, даже когда в окне загорается неяркий огонек, поначалу кажется угрюмым. Но вот слышится несколько неуверенных хлопков, затем частая трескотня мотора — и в окнах вспыхивает, освещая упряжки и заиндевелых путников, яркий электрический свет. Оказывается, здесь своя электростанция. Жилье внутри просторное, с высокими потолками, теплое, чистое. Оно мало чем отличается от дома где-нибудь в подмосковной деревне: те же сени, дальше кухня со столом, покрытым клеенкой, лавками вокруг него, плитой; комната с никелированной кроватью и горой подушек. Неважно, что лицо хозяйки смугло и скуласто, что оленью ногу она разделявает ножом в виде полумесяца и без ручки.

Сброшены кухлянки, торбаза, опустошен почти ведерный чайник крепкого чая, исчезла гора вареной оленины, которую хозяйка подала в деревянном корытце (это уже сервировка по чукотскому этикету). На столе снова чайник. Ваня, в синей сатиновой рубашке, пьет чай с блюдечка, отдувается, по его лбу струится пот. «Расейский» мужик, да и только. Каждой шутке Нанауна — старик любит побалагурить — вторит Ванин, как, впрочем, и обций, смех. Ваня смеется особенно заразительно, как-то по-детски непосредственно, за фиолетово-загорелыми губами блестят ровные, крепкие, ослепительной белизны зубы. Тепло и сытный ужин делают

свое дело. Глаза собеседников соловеют, разговор умолкает. Феликс первым покидает компанию и вытягивается на постеленных хозяйкой оленьих шкурах. Ложимся и мы с Нанауном, вслед за нами — Ваня, и только Люся, его жена, прежде чем остановить движок, хозяйничает, звякая посудой, на кухне.

Выезжаем рано, едва показалось над горизонтом холодное, неяркое солнце. Мороз щиплет нос и щеки. Семят, не оставляя на плотном снегу следов, собачьи лапы, ритмично постукивает о гребни заструг нарта. Цель нашего маршрута — обследовать всю западную часть острова от побережья до уже знакомых нам гор — Тундровой, Первой и Мамонтовых.

Тихо. Наши тени, бегущие впереди по снегу, все укорачиваются: солнце набирает высоту, постепенно разгорается, начинает даже припекать. Но все его тепло остается пока снаружи, на кухлянках. Чтобы согреться, приходится, как и вчера, соскакать с саней. Тем не менее, чувствуется дыхание весны. Откуда-то опять донесся голос ворона. Но это уже не тот спокойный, деловитый крик, что звучал у поселка дней десять назад. Теперь он окрасился новыми оттенками, наполнился томлением, торжеством, страстью. Значит, скоро уже приступят вороны к гнездовым делам.

Нанаун поворачивается ко мне, сбрасывает рукав кухлянки, достает из-за пазухи папиросу, закуривает. «Метахлюк, — говорит он, показывая рукой вверх, — мы его не стреляем, не ругаем тоже». На мой вопрос: «Почему?» — старик с серьезным лицом рассказывает, что когда-то небо было постоянно черным, а ворон облагодетельствовал человечество: это он принес на землю свет. «Один раз клевал — дырку сделал, звезда вышла, другой раз клевал — другую звезду сделал, потом много раз клевал — солнце получилось». Историю эту я знал и раньше, читал ее в сборниках чукотских сказок. Конец ее приходится рассказывать уже мне: «А знаешь, почему он черный?» Нанаун либо не слышал всей сказки, либо запамятовал ее, а может, из деликатности дает и мне возможность блеснуть эрудицией. «Он раньше белый был, а как проклевал большую дыру, так солнце его и опалило, с тех пор черный стал». Нанаун смеется.

Весна волнует не только воронов. На рыхлом снегу сегодня впервые начали встречаться парные следы песцов (близится и их брачная пора), желтые отметки самцов появились на вершинах заструг.

Ульвелькот останавливает собак. «Нарта кричит, войдать будем», — говорит Нанаун. Полозья и впрямь «кричат» — скрипят, а «войдать» — значит намораживать слой льда на их скользящую поверхность; сани на «ледяном ходу», особенно по снегу, идут гораздо легче. Подхватив остолом сани, Нанаун валит их на бок. Затем он достает из-за пазухи пластмассовую фляжку с водой, отвязывает от дуги лоскут медвежьей шкуры, набирает воду в рот, прыскает ее на мех и легкими, быстрыми мазками размазывает по полозу. Переваливает сани на другой бок и войдает второй полоз. Все, можно ехать дальше.

Пересекаем реку Мамонтовую. Где-то слева от нас, на побережье, остается охотничья избушка Нанауна. Большую часть года он живет вместе с семьей в поселке, но промыслять песцов уже много лет подряд приезжает сюда. Тут ему знакома каждая кочка, каждый камень. Хорошо знают эти места и собаки, они упорно норовят свернуть к избушке и, похоже, удивлены поведением хозяина, почему-то минующего свое жилище. Собаки, конечно, не вездеход, дорога теперь кажется очень длинной, но все же мы добираемся до реки Неожиданной, едем ее долиной и попадаем в горы. Это уже Западное плато. Останавливаемся, еще раз войдаем сани, уточняем по картам маршруты, договариваемся о месте встречи и ночлега и разъезжаемся по разным распадкам.

Нанаун действительно знает эти места великолепно. «Вот, смотри, сейчас берлога будет», — говорит он, и в самом деле на склоне появляется характерное, округлой формы черное пятно. «Здесь я много раз медведя стрелял» — опять берлога. Чтобы выяснить, пусты ли убежища или еще заняты, и не лазить для этого к каждому из них, отпрягаем и спускаем одну из собак. Невзрачная, небольшого роста, бурая лохматая собачонка, видимо, понимает, чего от нее хотят, и усердно принимается за работу. Она бесстрашно карабкается к берлоге, заглядывает внутрь, принюхивается и тут же с виноватым видом, выражая

движениями хвоста свои извинения, возвращается обратно. Убежище пусто. Находим около десятка медвежьих жилищ, и все они оказываются уже необитаемыми. Каждое я наношу на карту, отмечаю в блокноте экспозицию и крутизну склона, зарисовываю расположение берлоги, примерно расстояние до нее от подножия горы. В некоторые берлоги заползаю, обмериваю их; тем временем собаки получают передышку, а Нанаун войдет сани.

Кличка нашего лохматого помощника Апсинак (что означает по-эскимосски «лемминг»). В Ваниной упряжке есть красивый, волчьей масти кобель Пипекальгин — это тоже «лемминг», но по-чукотски. Вообще в обеих упряжках большинство собак носит имена птиц или зверей. У Нанауна, например, есть и Лохлок (белый гусь), и Альхна (кайра), и Анипа (белая сова); кстати, это кобель, и вовсе не белый: либо он от рождения сер, либо очень грязен. Наши сани тянут и Ныльхкак (баклан), и даже Аммихлюк (горностай), хотя горностаи на острове не водятся. У Ульвелькота в упряжке тоже есть и «баклан» — Извыргвы, и «белая сова» — Таккаль.

Апсинак отбегает в сторону, поднимается на невысокий надув и останавливается. Шерсть у него на загривке поднимается дыбом, пес заливаается яростным лаем. Нанаун с трудом останавливает метнувшуюся туда же упряжку и отводит ее в сторону, потчужа наиболее темпераментных собак остолом. Потом достает с нарты карабин. Наше приближение вливает в Апсинака новую порцию ярости. Он царапает снег лапами, пытается грызть его зубами. Перед ним, если внимательно присмотреться, синее пятно сантиметров тридцати в диаметре. Это невскрытая берлога. Медведица, видимо, лишь начала прокапывать лаз наружу, и следы ее работы сейчас просвечивают сквозь снег. Апсинак чует запах зверей, мечется у своей находки, не желает уходить отсюда. Приходится оттащить пса силой за ошейник. Шерсть у него на загривке еще долго остается взъерошенной. Как потом выяснилось, Феликс тоже взял себе в помощники собаку, водил ее с собой на длинном поводке и также обнаружил невскрытое убежище.

К месту ночлега подъезжаем в сумерки почти одновременно. Нанаун и Ульвелькот сразу же принимаются рубить для собак моржатины. Мы с Феликсом ставим палатку, крепим ее к нартам и

камням, как будто специально для этой цели выглядывающим из-под снега.

Все лица курчавятся инеем, хлопья его сыплются с ресниц, капюшона и кухлянки. Иней посеребрил спины людей, осел на шерсти собак. Весь сегодняшний день, наверное, было за сорок. Морозы заставляют с собой считаться, создавая немало осложнений в работе.

Например, проблема питания в маршруте. Что из продуктов можно брать в дорогу? Хлеб, конечно, исключается. Через несколько часов он настолько каменеет, что перестает поддаваться топору, не говоря уж о ноже. Консервы? Но без паяльной лампы разогреть их тоже непросто, к тому же они опять мгновенно застывают уже в ложке, на пути от банки ко рту. Остается мясо; его можно варить (лучше и быстрее на чукотский лад, доведя воду с мясом лишь до кипения; оленина в таком случае получается особенно вкусной — сочной и душистой), а еще проще использовать в виде строганины. Именно так предпочитают питаться в поездках местные охотники, и с их вкусом вполне можно согласиться.

Затем проблема бород. Гордые приметы мужского лица — борода и усы оборачиваются на морозе большим несчастьем. Осевший на них иней тает и превращается в лед. Ледяная корка все нарастает, слепляет губы, прочно примораживает щеки и подбородок к капюшону кухлянки. Чтобы открыть рот, сосульки на бороде и усах приходится вытаивать голыми руками, а это занятие не из приятных. Хорошо нашим каюрам: редкие волосы на их лицах растут медленно и в непродолжительных поездках не доставляют им заметных хлопот. Мне и Феликсу приходится ежедневно бриться. Я обычно вожу с собой за пазухой (чтобы не разбилась, и смазку не сковал мороз) механическую с пружинным заводом бритву. Бриться нужно в несколько приемов, время от времени отогревая стынувший механизм под кухлянкой теплом своего тела.

С детства знакомые вещества и предметы на морозе неузнаваемо меняются. Поставив палатку, переключаемся на приготовление обеда (он же и ужин). Феликс отвязывает бидон с керосином, достает примус, отворачивает пробки и замирает в удивлении. Из бидона лениво сочится нечто вроде засахарившегося

меда, белое и тягучее. Керосин замерз. Феликс подносит к моему носу бидон и требует, чтобы я засвидетельствовал этот факт. Но вот примус как-то наполнен, керосин в нем предварительно растоплен на пламени зажженной бумаги. С охотничьим топориком и чайником иду «по воду» к ближайшему застругу. Теперь приходит мой черед удивляться. Стальной топор, уже побывавший в переделках, на практике показавший отличные качества металла, не выдерживает первого же удара о... снег. Громадная выщербина, топор безнадежно изуродован. Теперь уже я прошу Феликса засвидетельствовать необычный факт.

Собаки трудятся каждая над своим куском мерзлого мяса, мы тоже приступаем к обеду. Обед незатейлив. От оленьего задка отрубается внушительный кусок, рубится топором же на более мелкие части (Тут нужен навык; сильный удар может лишить нас не только этого топора, но и обеда. Мерзлое мясо хрупко как стекло, и осколки его разлетаются далеко в стороны). Ножи превращают мясные щепки в белесые, кудрявые стружки. Это и есть строганина. Трапезничаем в палатке, сидя вокруг шипящего примуса. «Стружки» аппетитно тают во рту, на месте съеденных появляется все новое пополнение. Затем густой, ароматный чай, и лагерь утихомиривается.

Утром снова в путь. За этот день осматриваем последние притоки Неожиданной, весь бассейн реки Гусиной, верховья реки Мамонтовой. Еще день уходит на осмотр западного побережья, большей части Безымянных гор. На картах появляются все новые линии — пройденные маршруты и точки — найденные берлоги. Несколько раз собаки облаивают затаившихся в убежищах зверей, обнаруживают под снегом тех медведиц, что еще не успели прорыть лаз наружу. Наши, товарищи едва не попадают в переделку вроде той, что досталась на долю кинооператоров. Это было на исходе дня.

Феликс и Ульвелькот увлеклись беседой. Неожиданно для них уставшие было собаки взревели, припустились вперед, и перед упряжкой, всего в нескольких метрах, показалась берлога, и мелькнул желтый зад нырнувшей в убежище медведицы. Собеседники, к счастью, не растерялись. Феликс повис на дуге и повалил нарту на

бок, Ваня успел забежать вперед и загородил собакам вход в берлогу. Криками и остолом удалось оттащить возбужденных псов.

У Василия есть на острове «собственная» лагуна. Она названа в его честь и так и значится на картах — лагуна Нанауна. На берегу ее мы разбиваем свой третий лагерь. Настроение поднимается. Путь подходит к концу. Остается обследовать лишь северные склоны Безымянных гор и горы Медвежьи, а там уже гора Тундровая, маршрут сомкнется с прежним, вездеходным. Нужен всего день хорошей погоды, хотя бы такой же, как вчера и позавчера.

Следующий день занимался тоже тихим, солнечным и морозным. Быстро позавтракали, собрали лагерь, тронулись. Уже закончено обследование Безымянных гор, остаются лишь Медвежьи. Вот они, два невысоких конуса, особняком стоящие среди тундры Академии. По рассказам многих охотников, подтвержденным и Нанауном, медведицы в тех горах ложатся особенно густо, берлог там бывает «видимо-невидимо». Значит, впереди самая интересная часть маршрута. Но вот жгучий порыв встречного ветра, еще порыв, еще... С вершин заструг покатались потоки поземки. Они сливаются, покрывают все видимое пространство тундры Академии сверкающей пеленой, непрерывно меняя окраску, поднимаются ввысь. Зрелище очень красивое, но лучше любоваться им из окна, сидя в теплом доме. А сейчас снег немилосердно сечет кожу, душит, слепит, сбивает с ног. Собаки стали.

Небо затягивается мутной дымкой, сквозь которую проглянул было безликий солнечный диск, но вскоре исчез. Сгущаются сумерки, хотя сейчас только середина дня. Где-то в снежных вихрях исчезает вторая упряжка. Нанаун наклоняется над лежащими собаками, и ветер затевает с ним злую шутку. Он подбирается под полы кухлянки, надувает их, как паруса, и с силой подхватывает старика, будто пытаясь вознести живым на небо. Я ловлю его за полы, когда он пролетает мимо нарты. «Что делать будем?» — спрашиваю Нанауна. «Тихое место искать надо», — говорит он. Но где найти затишье? Назад ехать обидно. Лучше уж пробиваться вперед, против ветра, к Медвежьим горам. Вероятно, туда же движется и

вторая упряжка (на тех санях палатка, примус, а значит, вообще все жизненные блага).

Бесконечен, мучителен путь против ветра, хотя предстоит пройти не так уж много, всего два-три километра. Вслед за идущим человеком движутся собаки. Шаг за шагом, шаг за шагом, с остановками, отдыхом. Но вот ветер стихает: мы попадаем в «ветровую тень» тех самых гор, к которым стремились все эти дни. Здесь без конца сыплет сухой снег, но это уже совсем не то, что бушующий позади ураган. Забываемся вглубь первого встречного распадка и в полном изнеможении опускаемся на сани. Ложатся и тотчас свертываются калачиком собаки. Достаем окоченевшими руками спальные мешки, залезаем в них прямо в торбахзах и кухлянках и так, сидя, тесно прижавшись спиной к спине, в полудремоте, проводим остаток дня и ночь. Снег продолжает идти. На плечах, голове, коленях растут и тяжелеют сугробы. Время от времени нужно вставать и стряхивать их. Несколько раз приходится выбираться из мешков и идти поднимать собак, иначе они задохнутся под снежным покрывалом. К утру теплеет, снег, попадая на лицо, тает, превращаясь в снежную кашу. Ветер становится порывистым и постепенно стихает. Мглу рассеивает восходящее солнце. «Живой?» — окликаю притихшего соседа. «Живой», — отвечает Нанаун, стряхивая с себя сугроб.

Чтобы осмотреться, согреть онемевшие ноги и руки, забираюсь по надуву на склон горы, вырубая ступеньки прикладом карабина. Пурга кончилась. С гребней заструг струятся лишь мелкие ручейки снежной пыли. Открывается равнина тундры Академии, виднеется застывшее море — гряды сверкающих на солнце торосов. Никаких следов второй упряжки. Уже собираюсь выстрелить в воздух, чтобы дать знать о себе пропавшим товарищам, как вдруг замечаю, что в нескольких шагах от меня шевелится снежный ком! Он медленно разворачивается и постепенно принимает обличье медвежьей головы: два темных глаза, черный нос, короткие, округлые уши. Наши взгляды встречаются. Медведица замирает от неожиданности, фукает, вытягивая губы дудочкой, и скрывается в убежище. Только после

этого я обращаю внимание на сами склоны и вижу на них берлогу... вторую, третью...

На обследование Медвежьих гор уходит часов пять-шесть. Поворачиваем к дому, тщетно осматриваясь по сторонам, ища следы нарты Ульвелькота. Она появляется, едва мы минуем первые отроги Безымянных гор. Оказывается, в пургу Ваня тоже начал искать затишья, но счел за благо повернуть назад, в уже знакомые им с Феликсом места. Ночлег их был куда приятнее нашего: в палатке, после горячего чая. Теперь они ехали разыскивать нас.

До Ваниного дома добираемся опять ночью. За столом во время ужина подводим предварительный итог: обследована вся западная часть острова; найдены и закартированы шестьдесят с лишним берлог; слегка обморожены щеки и носы у Нанауна и у меня.

* * *

Теперь выясняются некоторые малоизвестные стороны зимней жизни медведиц. При знакомстве с их убежищами, прежде всего, бросается в глаза привязанность животных к морским льдам. Не меньше половины найденных нами на острове берлог (а всего в 1964 г. мы обнаружили их около двухсот) располагалось в прибрежных участках, не дальше восьми километров от моря. Лишь некоторые медведицы забирались далеко вглубь суши, за двадцать и даже за тридцать километров от побережья. Очень важен при устройстве берлог характер снежного покрова, условия его накопления и таяния. Пожалуй, особенно охотно медведицы заселяют крутые северные склоны гор. Это, очевидно, не случайно: на южных склонах, лучше прогреваемых летним солнцем, к осени уже не остается прошлогодних снежных наносов. Самые мощные надувы образуются на склонах крутизной двадцать — двадцать пять градусов, и именно здесь встречается больше всего берлог. Глубина снега определяет и высоту расположения берлоги на склоне. У самого его основания убежища обычно отсутствуют: наносы здесь слишком велики, и медведице, залегшей у подножия склона, весной бывает трудно выйти наружу. Подавляющее большинство берлог по этой причине устроено в верхней части склонов, где глубина снега достигает двух-трех метров. Там, где сочетаются благоприятные условия рельефа, накопления и таяния снега, как,

например, на Медвежьих горах, медведицы ложатся очень близко одна от другой, подчас на расстоянии всего тридцати-сорока метров (был даже случай, когда две медведицы оказались лежащими буквально рядом).

Расположение и устройство берлоги белой медведицы: 1 — снег, 2 — грунт.

Устроены берлоги довольно просто и однотипно. В большинстве случаев это овальные камеры длиной два-три метра, высотой и шириной около полутора метров. Свод и стены их сильно уплотнены и сплошь исчерчены когтями медведицы. Из берлоги на поверхность ведет узкий коридор, длина которого чаще всего не превышает метра, и лишь в тех случаях, когда снежный нанос очень глубок, медведица вынуждена прокапывать более длинный лаз.

* * *

Пять полных суток бушевала пурга. Ураган достигал редкой даже для этих мест силы, ветер гнал подхваченные у магазина бочки и пустые ящики, сорванные с домов доски и листы железа. Видеть можно было лишь на расстоянии вытянутой руки, а переход в соседний дом превращался в трудноразрешимую проблему. Зато после пурги резко потеплело и повеяло весной. Температура воздуха все больше приближалась к нулю, днем снег рассыпался на отдельные крупинки, на южных скатах крыши, на торосах в море повисли сосульки. Тринадцатого апреля в поселке появилась первая пуночка. Пичуга разыскивала корм у кучи угля и пользовалась необычайным успехом. Весь день к углю ходили островитяне, чтобы воочию убедиться в прилете пернатого вестника весны, послушать незатейливую птичью песенку. А вечером у околицы впервые в этом году пролетела белая сова.

Пуночка — первый вестник весны в Арктике. Фото С. В. Маракова.

Ураган взломал льды, и невдалеке от берега открылась широкая полынья, очертания которой точно отразились в «водяном небе» (Участки открытой воды среди льдов обычно бывают обозначены темными отблесками в небе). К открытому морю стягивались нерпы, на остров стали чаще заглядывать одиночные медведи. Один из них подошел рано утром к полярной станции и был встречен

отчаянным собачьим ревом. Мишка оказался трусоват: проснувшиеся полярники увидели лишь желтый зад зверя, мелькающий среди прибрежных торосов. Другой медведь пришел на станцию в середине дня, когда разморенные солнцепеком собаки крепко спали. Его появление выманило из домов толпу фотолюбителей. Фотографы, мешая один другому, суетились, самые храбрые мельтешили перед идущим медведем, без конца щелкали шторки затворов. Но мишка был невозмутим. Он, не спеша, с достоинством прошел по косе мимо домов и, придерживаясь своего пути, ушел в море.

Как-то днем мы с Нанауном бродили по косе за станцией. Василий показывал мне места, где выгружался пароход с первыми переселенцами, где стоял первый сооруженный ими дом. На глазах таяли последние островки снега, ненадолго оставляя после себя влажные пятна. Над черным песком дрожали струйки теплого воздуха. Старик увлекся воспоминаниями, начал рассказывать вообще об интересных случаях из своей жизни. Однажды летом Нанаун куда-то шел пешком по берегу моря. В дороге его разморила жара; он снял с себя нерпичьи торбазы, разложил их на камнях для просушки и прилег отдохнуть. Проснувшись, Василий увидел склонившегося над торбазами медведя. «Однако он больше этого был», — спокойно продолжал рассказчик, показывая куда-то рукой. Оглянувшись, я невольно вздрогнул. Вдоль косы, по припаю, брел крупный, статный зверь в почти чисто белом меху. Хорошо различалось движение его лопаток, чернели «ладони» и «пятки» размеренно поднимаемых лап. Можно было рассмотреть даже, как волокутся за его задними ногами по снегу пряди длинной шерсти. Нас медведь не удостоил вниманием. Он направился было к кухне полярной станции (она, несомненно, источала манящие запахи), но, услышав лай заметивших его собак, остановился, постоял в недолгом раздумье и свернул в торосы. «А что же дальше было?» — спросил я Нанауна. «Как я зашевелился, медведь один торбаз схватил, так убежал. До сих пор жалко, совсем новый торбаз был», — со смехом закончил он.

Солнце перестало прятаться за горизонтом и светило круглые сутки. По южным склонам гор на глазах расплывались черные

пятна пропарин. В голубом весеннем небе без конца звенели песни пуночек, по ночам из тундры доносилось нежное воркование токующих самцов белых сов. Остров постепенно оживал, но весна пока не прервала нашей работы. Берлоги, несмотря на то, что некоторые из них пустовали уже больше месяца и не раз за это время случалась пурга, все еще оставались довольно заметными. Вездеход проходил по тундре также уверенно, как и зимой. По ночам, когда смерзались снежные крупинки, легко скользили и нарты. Впрочем, обследование острова уже подходило к концу, на наших картах с каждым днем оставалось все меньше «белых пятен».

Невезение продолжало преследовать только кинооператоров. Им все еще не удавалось отснять главный эпизод — прогулку медведицы с медвежатами у берлоги. Анатолий Александрович и Игорь предпринимали отчаянные усилия, но звери всячески избегали встреч с ними. Несколько раз съемка срывалась из-за погоды: в самый ответственный момент то исчезало солнце, то медвежьей семью скрывала пелена начавшейся поземки. За найденную жилую берлогу Анатолий Александрович теперь назначил солидную премию, и многие охотники в надежде заполучить ее рыскали по острову во всех направлениях (при этом наши карты пополнились несколькими новыми точками).

То и дело отправлялись на поиски сами кинооператоры, но безуспешно. Тогда Анатолий Александрович прибег к крайней мере (надеюсь, что он не посетует на меня за выдачу его профессионального секрета). Еще в марте охотники привезли кинооператорам медвежонка. Этот беспокойный детеныш жил дома вместе с нами и пока снимался лишь на «вторых ролях». Теперь он стал «солистом». В снежном надуве у поселка была вырыта яма, изображающая берлогу. Медвежонок довольно правдиво «сыграл» выход из нее, «прогулку», хотя скатываться со склона не пожелал. Затем начались съемки в ближайших торосах, где идущий малыш, хотя он успел за это время подрасти всего на несколько сантиметров, изображал уже... медведицу.

Но вот счастье как будто улыбнулось операторам. В один из последних дней апреля примчался гонец с известием, что жилая

берлога найдена у прибрежных утесов южного берега, к востоку от поселка. Обрадованные операторы тотчас собрались в путь.

Птицы часто отдыхают на прибрежных торосах. Фото автора.

Увы, и теперь главный эпизод отснят не был. Берлога действительно оказалась обитаемой, но на этот раз сплеховала медведица. Лаз из ее убежища длиной по крайней мере метров пять поднимался вертикально, и выйти по нему медвежата не могли. Мать вела себя очень осторожно: высовывала наружу лишь кончик носа и; уловив запах людей, моментально скрывалась. Анатолий Александрович и Игорь провели здесь несколько дней, не раз переставляя палатку, скрывающую нацеленный на берлогу киноаппарат, но, вспомнив прописную истину про синицу в руках и журавля в небе, вернулись домой, чтобы продолжить съемку своего «актера». Вскоре на восток острова выехали и мы с Нанауном. Ночью, давая собакам передышку, остановились в прибрежных утесах. Сюда уже вернулись обитатели расщелин — чистики. Десятки этих черных краснолапых птиц со свистом пролетали мимо нас, скрывались в море за торосами, возвращались обратно. Да и сами скалы напоминали теперь подготовленный к сдаче жилой дом: так же разгорались страсти вокруг этажей и квартир. Где-то затевалась потасовка, кто-то из нетерпеливых жильцов уже чистил укрытия, выбрасывал из них накопившийся за зиму снег. Свист чистиков переплетался с трелями пуночек. Высоко в небе с хриплым клетком проплыла почти белоснежная полярная чайка бургомистр. Собаки растянулись на снегу, часто дышали и не обращали внимания на царящее вокруг оживление. Но вдруг вскочил оцетинившийся Апсинак, поднялась и с лаем рванулась к торосам вся упряжка. Привычным движением Нанаун навалился на остол и удержал собак. Надежно привязав их, мы взобрались на торос. По припаю шли три медведя: один большой и два маленьких. Следы зверей начинались от надува под ближайшей скалой. Там чернел вход в берлогу (малышам все же удалось из нее выбраться), в стороне торчали шесты от палаток. Уходила в море последняя надежда кинооператоров, возможно, последняя в этом году семья медведей. Медвежий «родильный дом» опустел.

Помечены на острове Врангеля

Негромкий хлопок выстрела, и на щеке, выглянувшей из берлоги медведицы, среди желтого меха появляется красное пятнышко. Сюда впился «летающий шприц». Положение красной кисточки — хвостового оперения шприца — показывает, что попадание было удачным.

Все поспешно отскакивают от берлоги. Но зверь не показывается и вообще не подает признаков жизни. Часы отсчитывают пять минут, затем десять. В берлоге по-прежнему тихо. Решаемся подняться по склону. Юрий Анатольевич нагибается, заглядывает в медвежье убежище и тут же движением руки подзывает меня. Видно плохо, но в полумраке все-таки можно разглядеть три черные точки — глаза и нос, обращенные к выходу. Угадываются очертания широколобой головы, похоже, неподвижно лежащей на полу снежного коридора. Саша приносит длинный шест: только так можно убедиться, что шприц действительно сработал и препарат оказал свое действие. На всякий случай у меня в руках карабин, у Юрия Анатольевича — заряженная пулевыми патронами двустволка. Рукавицы сброшены, прокаленный морозом спусковой крючок обжигает палец, но сейчас на это не обращаешь внимания. Конец шеста бесцеремонно тычется в большое мягкое тело. Зверь не шевелится...

Так нам удалось в первый раз обездвижить хозяйку берлоги. Произошло это в конце марта 1969 г. в Медвежьих горах. На этот раз мы приехали на остров не только для того, чтобы вновь провести учет медвежьих берлог, но и чтобы освоить обездвиживание и мечение самих медведиц.

Обездвиживание животных, особенно крупных млекопитающих, — наименее трудоемкий, а подчас и единственно возможный способ их ловли. В последние годы он получил широкое распространение в зоологических исследованиях. Правда, это уже давнее изобретение человека: с незапамятных времен южноамериканские индейцы использовали на охоте растительный

яд кураре, смазывая им наконечники стрел. Современные зоологи получили в свое распоряжение различные синтетические препараты, по своему действию сходные с кураре. Разработаны и способы введения этих препаратов. Исследователи пользуются специальными пулями, начиненными порошком, или особыми стрелками (они выстреливаются из лука или ружья), углубления которых наполнены мазью, пастой или также порошком. Но чаще всего применяются так называемые летающие шприцы, сделанные из металла. Такой шприц выстреливается из ружья, и его можно послать на расстояние пятидесяти — шестидесяти метров. В тот момент, когда шприц попадает в тело животного, поршень движется вперед и освобождает резервуар от раствора.

Конечно, зоологи или охотоведы преследуют совсем иные цели, нежели индейцы. Южноамериканские охотники, смазывая ядом наконечники стрел, стремятся умертвить добычу. Зоологам же нужно только временно лишить животное способности двигаться, чтобы успеть в этот момент посадить его в клетку (например, чтобы отправить в зоопарк или перевезти на новое место жительства), провести необходимые лечебные процедуры, измерить и взвесить зверя или, как в нашем случае, пометить его.

Медведица помечена. Фото А. А. Кищинского.

При этом мечение белых медведей — самостоятельная и далеко не простая задача. Антилопам, оленям, даже медведям других видов после их обездвиживания можно надевать яркие, видные издали ошейники, сделанные из капрона или иного прочного материала. Особенности телосложения белого медведя таковы, что ошейник на нем держаться не будет (диаметр его шеи обычно превышает диаметр головы). Ушные сережки, металлические или пластмассовые, с успехом применяемые в подобных случаях в областях умеренного и жаркого климата, из ушей белых медведей нередко вымерзают и теряются.

Поэтому мечение зверя превращается в длительную процедуру. За неимением лучшего приходится все-таки прикреплять к каждому его уху сделанные из нержавеющей стали сережки с номерами и надписью «Сообща Москва» (Иностранные метки, естественно, имеют другие надписи), причем, чтобы удлинить срок их ношения,

необходимо проделывать эту работу со всевозможной аккуратностью. Для страховки номера дублируются при помощи специальных татуировочных щипцов на внутренней поверхности нижней губы и крупно несмываемой красной краской (этот номер медведь будет носить до осени, до полной линьки) — на меху, на огузке. Таков международный стандарт; стремясь получить сопоставимые результаты, так же метят белых медведей и наши коллеги в США, Канаде и Норвегии.

Конечно, хочется получить как можно больше сведений о каждом обездвиженном звере. Необходимо его обмерить, осмотреть зубы, чтобы хоть приблизительно определить возраст, взять для анализа мазки крови, проделать другие манипуляции. Однако при этом необходимо помнить, что зверь лишен способности двигаться только на время, причем на весьма неопределенный срок. В любой момент он может встать на ноги и, мягко говоря, выразить свое неудовольствие.

 Мечение медведицы превращается в длительную процедуру. Фото автора.

Метить белых медведей стали недавно. Первые, вначале не особенно удачные опыты такого рода были предприняты в 1962 г. на Шпицбергене и в 1965 г. — на Аляске. Однако довольно быстро техника мечения была освоена, и уже в 1970 г. более пятисот зверей в разных частях Арктики носили сережки и прочие следы тесного общения с зоологами.

 Канадские исследователи ловят медвежат петлями и обездвиживают их. Этот зверь только что попал в ловушку. Фото автора.

Канадские зоологи метят животных на побережье Гудзонова залива, в одном из самых необычных мест Арктики. В самом деле, хотя залив расположен южнее полярного круга, зимой он покрывается мощным ледяным панцирем; несмотря на то, что он находится на широте Ленинграда и даже Москвы, прибрежная полоса его занята настоящими тундрами, а среди торосов здесь бродят и чувствуют себя в родной стихии белые медведи. Необычен образ жизни местных зверей. В конце лета, когда лед в заливе разрушается, они скапливаются на берегах, копаются в поисках

корма в кучах водорослей, среди отбросов у человеческих поселений, даже близ больших и шумных городов. Необычно, наконец, выглядит сама работа канадских зоологов. Они обездвигивают и метят животных на суше, причем предварительно ловят их петлями из стального троса. Для этого исследователям не нужно предпринимать экспедиций в отдаленные и труднодоступные арктические районы. Люди живут в Черчилле — вполне современном городе — и ездят на свой «охотничий участок» по асфальту на автомобиле.

Норвежские зоологи исследуют и метят обездвигиванных медведей на палубе судна. После мечения зверей выпускают на волю. Фото Грендаль.

Осенью 1969 г. мне пришлось быть здесь, и я невольно позавидовал своим канадским коллегам. Прежде всего, меня поразило обилие медведей. Пролетев около ста пятидесяти километров на вертолете, я насчитал на берегах залива семьдесят пять зверей, державшихся не только поодиночке или семьями, но и целыми «стадами» по десять и даже по двенадцать особей. Голодные животные, привлеченные запахом мяса или рыбы, буквально атаковали ловушки и нередко попадались в настороженные петли на глазах у людей. Поскольку трос надежно схватывает медведя за переднюю лапу, дальнейшая процедура — обездвигивание и мечение — уже не составляет большого труда; к тому же ей не препятствуют пурга и морозы.

Норвежские исследователи работают на западе Баренцева моря, разыскивают медведей с небольшого судна и обездвигивают их на воде с борта корабля или шлюпки; иногда они догоняют и обездвигивают зверей на льду. В последнем случае люди вооружаются винтовками и револьверами, хотя, как выяснилось, не в меру любопытного зверя можно отогнать, звякая небольшими металлическими предметами, например связкой ключей. Обездвигиванных животных норвежцы поднимают на палубу судна и помещают в большую клетку, где и исследуют. Клетку звери покидают, уже встав на ноги, своим ходом. На Аляске стреляют по медведям «летающими шприцами» с вертолета.

...Мы должны были освоить обездвиживание и мечение не любых встречных зверей, а самок и медвежат в берлогах. Это можно делать только в марте — апреле, когда в Арктике стоит далеко не лучшая погода; уже поэтому следовало быть готовым ко многим трудностям. Взять хотя бы «летающие шприцы», которыми мы теперь оснащены. На морозе капризам их нет конца. Водные растворы препаратов использовать нельзя: во время полета шприца, хотя летит он недолго, его содержимое успевает замерзнуть. В спирту же не все препараты растворимы. При сильных холодах обездвиживающее снаряжение вообще бездействует: отказывает механизм ружья, густеет смазка в стволе. Впрочем, это еще не самое главное. Непросто подойти к берлогу, устроенной на крутом и высоком склоне (а ведь именно здесь чаще всего и располагаются убежища зверей), найти или вырубить в снегу площадку, на которой могли бы поместиться люди и необходимое оборудование. Даже если рядом товарищ, в руках его карабин и он страхует тебя, все равно не так уж приятно близкое соседство хозяйки берлоги! К тому же стрелять шприцем в этом случае нужно почти в упор и только в щеку, поскольку стрелок видит лишь голову зверя.

И все-таки только так можно выяснить, пользуются ли самки на протяжении своей жизни одним и тем же «родильным домом», из каких районов Арктики они приходят сюда, вообще насколько развито у животных «чувство дома». Кроме того, освоение надежных способов обездвиживания самок в берлогах открывало путь к бескровному отлову медвежат, то есть было прямо связано с охраной животных. Ведь на детенышей белых медведей существует постоянный спрос. Они желанные гости в зоопарках и цирках; для этой цели в небольшом количестве ловить их в СССР разрешено (это единственно допустимая форма хозяйственного использования белых медведей в советской Арктике). Однако чтобы поймать или взять из берлоги медвежат, до последнего времени приходилось убивать самок. Ловля медвежат превращалась подчас в удобное прикрытие для браконьеров (Уже в 1969 г. отстрел медведиц при ловле медвежат в СССР был запрещен; медведицу в таких случаях можно лишь обездвижить).

* * *

Медвежьи горы внешне ничем не примечательны. Летом с самолета или вообще с большого расстояния на фоне желтовато-зеленой тундры Академии они выглядят невысокими серыми холмами. Зимой, сглаженные снежными наносами, горы становятся еще более приземистыми и неприметными. На многих картах и в обиходе местных охотников они значатся также как Дрем-Хед. Это английское название в переводе означает нечто вроде «вершины мечты» (от dream — мечта, грезы и head-голова, головной) (Английские названия на карте острова многочисленны, они были даны американскими мореплавателями еще в прошлом столетии). Не знаю, каков был истинный смысл, вложенный в это название при «крещении» гор, но меня они действительно манили долгие годы.

Склоны Дрем-Хеда. Фото Г. Б. Надеждина.

Еще из разговоров с пионерами освоения острова Г. А. Ушаковым и А. И. Минеевым можно было заключить, что именно здесь находится самое главное «отделение» медвежьего «родильного дома». Об обилии берлог на склонах Дрем-Хеда мне в 1960 г. рассказывали многие островитяне. В 1964 г. нас с Нанануном застала здесь пурга. И хотя мы провели тогда в горах около суток, обследованию их я смог уделить всего лишь несколько часов. И вот теперь, спустя пять лет, у меня, наконец, появилась возможность подробно познакомиться с этой удивительной частью острова Врангеля. Двадцать третьего марта трактор прибуксировал сюда довольно вместительный балок с железной печкой, запасом угля, продуктов, необходимым снаряжением и сразу же ушел обратно в поселок. Мы с Сашей остались в балке вдвоем ждать прибытия остальных участников экспедиции и начала работ по обездвиживанию и мечению зверей.

Утро следующего дня, тихое и ясное, застало нас в маршруте. Уже в ближайших окрестностях балка встретились сравнительно недалеко одна от другой три берлоги: две полузанесенные снегом и, следовательно, пустые, покинутые семьями, и одна жилая. Ее хозяйка глухо рявкнула, показав на миг голову, но тут же скрылась.

Ненадолго останавливаемся около каждой берлоги, чтобы описать ее и нанести на карту. Рядом с берлогой втыкаем в снег проволочный штырь с красным флажком на конце. Вскоре нам предстоит облететь остров Врангеля на самолете и попытаться провести учет берлог с воздуха; флажки будут служить ориентирами и помогут решить, насколько точен авиаучет и оправдывает ли он себя вообще.

После пурги следы медведей начинают выступать из-под снега. Фото автора.

Похоже, эта часть острова особенно приглянулась медведям. Цепочки отпечатков овальных ступней тянутся вдоль нашего пути, пересекают его во всех направлениях. Следы принадлежат и одиночным животным, и семьям; местами они сливаются в настоящие медвежьи тропы. Среди них есть совсем свежие, вчерашние или даже сегодняшние. Есть и старые, оставленные неделю назад и еще раньше.

Кстати, следы зверя, человека или машины «старятся» в Арктике совсем иначе, чем, скажем, в лесу. Там, где только что прошел медведь (если, конечно, не по рыхлому снегу, выпавшему в тихую и теплую погоду), можно заметить лишь слабые отпечатки когтей. Однако снег под тяжестью зверя все-таки уплотняется и поэтому в пургу разрушается медленнее, чем на соседних участках. После каждой вьюги след «проявляется» все сильнее, поднимается на высоту до десяти сантиметров и больше и постепенно принимает форму гриба. Но «гриб», уже недолговечен. Следующая же пурга перепиливает его ножку, и след исчезает.

Солнце уже готовилось уйти за горизонт, когда на одном из склонов был обнаружен целый медвежий «городок». Он состоял из четырех вскрытых и пока еще жилых берлог, расстояние между которыми было не больше двадцати — двадцати пяти метров (позже выяснилось, что на этом же пятачке зимовали еще две самки с детенышами). Хозяек трех убежищ мы так и не увидели, но с четвертой довелось познакомиться довольно близко.

Медведица показалась из берлоги. Фото Ф. Б. Чернявского.

Мы уже подошли к берлоге метров на двести, когда медведица показалась из узкого лаза и, вытягивая свою и без того длинную

шею, стала присматриваться к пришельцам. Три черные точки среди ярко-желтого меха — глаза и нос — то опускались, то поднимались. На поверхность снега ложилась, повторяя медленные движения животного, густая синяя тень. В косых закатных лучах особенно отчетливо выделялись полосы больших и малых заструг, вход в берлогу, разбросанные вокруг него снежные обломки. Почти идеальные условия для фотосъемки! Приготовив аппараты, мы не спеша направились к берлоге. Карабин, который висел теперь у него на груди, Саша предусмотрительно перевел на боевой взвод.

Вход в зимнее убежище медведицы. Фото автора.

До берлоги метров пятьдесят. Хозяйка ее втягивает голову в убежище, но продолжает изучать нас, пока еще спокойно и вроде даже миролюбиво. Теперь выясняется, что это жилище имеет два входа, устроенные примерно в метре один над другим. В нижнем виднеется обращенная к нам голова медведицы, через верхнее, отпихивая друг друга, попеременно выглядывают любопытствующие медвежата.

В аппаратах уже по несколько кадров — и с медведицей, и со всей семьей. Но хочется снять их крупнее, и мы подходим все ближе. До берлоги остается метров двадцать, затем пятнадцать, наконец, десять. Здесь терпение медведицы иссякает. Она показывает лобастую голову, опять прячется, высовывает голову и шею и неожиданно, обломив тонкий снежный свод, прыжком выскакивает наружу.

Я шел первым и теперь останавливаюсь. Зная, что рядом Саша с карабином, стою спокойно, рассматривая зверя. Медведица явно «берет нас на испуг». Из вытянутых дудочкой губ слышится сердитое шипение. Вздыбив на загривке шерсть, она пытается показаться больше, чем она есть на самом деле; видимо, с этой же целью она подпрыгивает на одном месте раз, другой. Опять шипит и, пятась, уходит в берлогу. Оборачиваюсь к Саше — и вижу, что карабин мирно покоится у него на груди, а сам он замершими пальцами тщетно пытается перезарядить кассету в аппарате...

Так же как и медведица, пятась, отходим от берлоги, оставив семейство в покое. Поскольку хозяйка следующего жилища может

оказаться не столь миролюбивой, я забираю карабин себе. Впрочем, уже наступили сумерки, и мы поворачиваем обратно к балку.

Уже первый маршрут по Медвежьим горам показал, что снега этой зимой очень мало. Берлоги поэтому неглубоки, и, чтобы вскрыть их, самкам не приходится прокапывать длинные коридоры. Звери иногда просто проламывают свод и сразу оказываются «на улице». Снежные выбросы у входов в берлоги тоже невелики, и убежища зверей заметны плохо. Подчас их удается обнаружить, только подойдя к ним вплотную. Ходить по склонам в одиночку сейчас нельзя: велик риск наступить на тонкий снежный потолок и оказаться непрошеным гостем хозяйки жилища. Зато малоснежье помогло объяснить различия в поведении животных, в реакции их на приближение человека. Стало ясно, что затаиваются в убежищах, считая их достаточно безопасными, звери, скрытые более или менее толстыми снежными наносами. Некоторые самки, как наша знакомая, в этом году не смогли устроить глубокие берлоги и, не полагаясь на прочность своего жилища, предпочитали оборонять его активно.

Следующий день вновь начался было хорошей погодой. Мы опять рано вышли из балка, чтобы продолжить обследование своих угодий, но дальше медвежьего «городка» пройти не смогли. Ветер задувал все сильнее, с гребней заструг побежали струйки поземки. Приближалась пурга, и нужно было поворачивать к дому. Удалось побывать лишь у вчерашней берлоги. Теперь она превратилась в пещеру, и внутренность ее хорошо просматривалась. Даже издали было видно, что мать лежит на боку. Передняя лапа ее слегка шевелилась; где-то под ней, на груди медведицы, копошились медвежата. Подпустив нас метров на десять, она приподняла голову, но с места не тронулась. По-видимому, берлога уже не давала укрытия от холода и ветра, и мать не могла оставить детенышей, чтобы пугнуть визитеров.

* * *

Пурга только стихала, когда у балка послышался шум мотора. Приехали Юрий Анатольевич и заведующий заказником Николай Николаевич Винклер. Теперь на Медвежьих горах собралась вся наша экспедиция. Трактор с работающим на малых оборотах мотором

(заводить машину на морозе трудно и долго) Николай Николаевич поставил к самой стенке балка. В нашем временном жилище теперь тесно, шумно, зато и светло: трактор не просто стучит вхолостую, но временно превратился в электростанцию.

На следующий день в одной из ближайших берлог и была обездвижена первая медведица.

...Свод убежища быстро взломан лопатами, и зверь предстает лежащим на животе в глубокой яме. Глаза медведицы открыты. Тело ее обмякло и недвижимо, хотя время от времени судорожно вздрагивает. Приподнятые лапа или голова тут же безвольно опускаются на снег. Мешкать нельзя. По заранее согласованному плану каждый приступает к той или иной процедуре — прикреплению ушных меток, обмерам; красной краской на огулке рисуется номер. В яме тесно, мешают суетящиеся медвежата, но работа спорится и уже близка к завершению, как вдруг из какого-то бокового от норка в разрушенную берлогу просовывается... новая медвежья голова!

Вначале показывается только морда. Мне она хорошо видна. Наверное, это медвежонок (кто же может быть кроме?). Морда тычется в Сашин локоть, и Саша, тоже решив, что это детеныш, небрежно, не взглянув в его сторону, отталкивает «непоседу». Морда исчезает, но затем появляется вновь и уже более настойчиво протискивается под Сашину руку. Теперь я замечаю, что это вовсе не детеныш...

— Братцы! Еще медведь!

Мой крик, должно быть, прозвучал достаточно тревожно. Во всяком случае, уже в следующий миг, взлетев на приличную высоту, все экспериментаторы стояли на краю ямы.

 Медведица обездвижена. Медвежатам и страшно, и интересно. Фото автора.

Впрочем, испуг был недолог. Окрыленные успехом с первой медведицей, Саша и Николай Николаевич, орудуя лопатами, быстро загнали зверя в его убежище. Юрий Анатольевич начал готовить к действию новые шприцы. Страхуя товарищей, я взялся за карабин. Опять хлопок выстрела — вторая медведица тоже легла обездвиженной. Как выяснилось, две берлоги здесь разделяла лишь

полуметровая снежная перемычка. В перегородке был лаз, и хозяйки жилищ могли свободно наносить друг другу визиты. Случай, конечно, исключительный, скорее всего тоже связанный с недостатком снега.

В балок на этот раз возвращались уже в полной темноте: нужно было выяснить, на какой срок животные теряют подвижность, вообще удостовериться, что они вернулись в нормальное состояние. (Обе медведицы благополучно поднялись на ноги и ушли: одна — через два часа после попадания в нее шприца, вторая — немного позже.) В мешках, которые мы несли с собой, барахтались медвежата. Они предназначались для отправки в Москву и служили наглядным доказательством тому, что «бескровный» отлов их вполне возможен.

Обездвиживание медведиц позволило начать «бескровный» отлов медвежат. Фото автора.

На следующий день удалось обездвижить еще одну самку, затем двух, одну, снова двух. С каждой медведицей накапливался опыт, работа шла все увереннее.

Оказалось, что проще и легче иметь дело с хозяйкой неглубокой берлоги. Она сразу же показывается из убежища, обычно выставляет не только голову, но и шею и служит наилучшей мишенью для «летающего шприца» (случай, чтобы зверь совсем выскочил из берлоги, больше не повторился). Труднее обездвижить самку, жилище которой располагается на глубине от полуметра до метра. Она, как правило, рывкает или фукает где-то под снегом, но на поверхности не показывается. Здесь мы предварительно пускали в ход «закидушку» — комок тряпок и меха, привязанный к длинному шнуру. «Удочка» забрасывается вглубь берлоги и медленно вытягивается наружу. Негодуя, самка устремляется в погоню за тряпками, и таким образом ее удается приманить к выходу. Если закидушка не помогает, приходится брать в руки лопаты. Нужно с помощью шеста определить направление хода, угадать, где находится гнездовая камера, и уже над ней копать отвесный колодец (через него и выстреливается шприц). Но чаще ям приходится копать две-три, а иногда и больше, и процедура обездвиживания затягивается на несколько часов. Самыми

труднодоступными оказались хозяйки наиболее глубоких и сложных по устройству убежищ. Если такую медведицу не удавалось выманить закидушкой, докопаться до нее было почти невозможно.

Метим очередную медведицу... Фото автора.

Представление о миролюбивом характере, даже робости, медведиц вполне подтверждалось. В поведении их не было и намека на агрессивность, хотя расправиться с человеком им, конечно, ничего не стоило.

Успех с обездвиживанием животных пришел не сразу. Первые опыты такого рода наша экспедиция предприняла два года назад на Земле Франца-Иосифа. Мы пытались тогда догнать медведиц с медвежатами на вездеходе, подкарауливали зверей в засидке у полыньи, привлекая их нерпичьими тушами и запахом горящего в печке тюленьего жира. Все это позволило нам ближе познакомиться с поведением зверей, сделать пусть небольшие, но интересные открытия в их биологии. Кроме того, выяснились слабые стороны обездвиживающего снаряжения, которым мы располагали (у нас были пули, начиненные сухим препаратом).

Конечно, опыт той экспедиции пришелся очень кстати. Снаряжение наше было теперь более совершенным. И все-таки, возмись мы за него в другом составе, дело, может быть, опять кончилось бы неудачей. Спокойствие и уравновешенность Саши, его высокое профессиональное мастерство (если можно так сказать об ученом) как нельзя более кстати дополнялись большим жизненным опытом и талантом экспериментатора, свойственными Юрию Анатольевичу, хорошим знанием острова и выдержкой, которыми располагал Николай Николаевич. Медведица миролюбива, но, тем не менее, наша работа требовала мужества: зверь, даже нечаянно, легко может помять и искалечить человека. В мужестве моим товарищам тоже отказать было нельзя.

Пытаясь высмотреть, где находится хозяйка берлоги, и Саша, и Николай Николаевич не раз почти по пояс скрывались в медвежьем убежище. Юрий Анатольевич, чтобы не расходовать понапрасну шприцев, подчас выстреливал ими, едва не касаясь, медведицы стволом.

Итак, наша главная задача выполнена. Где-то во льдах бродят первые помеченные на острове Врангеля медведицы. Пока их немного. Но теперь уже ясно, когда и как нужно проводить эту работу.

* * *

В первых числах апреля в погоде наступил перелом. Солнце стало каким-то улыбочивым, и заметно потеплело. Пурги пока затихли, а если шел снег, то в воздухе порхали крупные, редкие снежинки. Девятого апреля у балка появилась первая пуночка — вестник вступающей на остров весны. В этот день мы уезжали на своем тракторе в поселок. Вместе с нами отправлялись в долгое и необычное для них путешествие медвежата.

Еще через несколько дней вместе со старым знакомым Ульвелькотом я поехал на собаках на мыс Блоссом. Сюда, на место моржовой залежки, по рассказам, частенько наведываются одиночные медведи. Где-то у юго-запада острова виднелось «водяное небо». Там открылась полынья и, возможно, держались «наши» медведицы. Встреча с ними была особенно заманчивой.

Ночи тают на глазах, и путешествовать теперь можно в любое время суток. Ваня собрался в дорогу поздно вечером.

Нарта «кричит» — пора войти в полозья. Фото автора.

Скрипят и подпрыгивают на застругах нарты, мельтешат лапы собак. Время от времени делаем короткую остановку — пора войти в полозья. В полночь на небосводе загорается неяркое сияние, но вскоре его гасит рассвет. За неспешным разговором незаметно бегут часы и километры. И вот среди заснеженной равнины (трудно различить, где кончается суша, и начинаются морские льды) вырастает бревенчатая вышка с площадкой из досок на вершине. Это навигационный знак, обозначающий мыс Блоссом — конечную цель нашего путешествия. Ваня уезжает к ближайшей избушке, чтобы дать отдых собакам и соснуть самому. Я забираюсь на вышку. Со мной спальный мешок, фотоаппарат, бинокль, примус и чайник.

На моржовом лежбище, тем более таком крупном, как это, медведи всегда могут найти поживу. Какое-то количество моржей гибнет здесь от старости (возможно, на суше старики вообще

встречают свой смертный час чаще, чем в море) или от ран, полученных еще по пути на залежку. Если животные панически испуганы, например, неожиданным появлением людей, они кидаются в воду и при этом иногда давят друг друга. Так или иначе, но после ухода стада на лежбище всегда остаются мертвые исполины (собранные с них клыки в старину так и назывались — «заморные»). И сейчас по косе были разбросаны по крайней мере десятки полузанесенных снегом туш. Некоторые из них были уже основательно объедены медведями; от одной туши к другой вели цепочки медвежьих следов.

Ванина упряжка постепенно удалялась, то исчезая в ложбинах, то появляясь вновь. Вот она слилась в одно темное пятно, и теперь уже трудно разобрать, где собаки, где сани и где человек... Созерцание этой картины прервал размеренный скрип шагов. К вышке приближалась пара медведей.

Впереди, похоже, шла самка. Свидетельством тому служили относительно небольшие размеры, более стройное телосложение и даже «женственная» походка. За ней следовал самец. Это не вызывало сомнений хотя бы потому, что зверь был настоящим гигантом. У медведей начался «медовый месяц». «Кавалер» не отступал от «дамы» дальше, чем на два-три шага, но, очевидно, обращался с ней строго: ухо медведицы было надорвано и висело, на щеке виднелась кровь. Метрах в ста позади и немного в стороне от этой пары шел еще один зверь, скорее всего менее удачливый соперник.

Медведи подошли к моей засидке. Теперь, когда они очутились подо мной всего в пяти-шести метрах, можно было рассмотреть даже, что веки их густо опушены инеем. Из полуоткрытой пасти самца вырывались облачка пара, и непрерывно слышались издаваемые им звуки — нечто вроде глухих стонов или побряхтывания. Самка потерлась боком о столб вышки, расшатывая все сооружение, но тут же, приподняв голову, отпрянула. Наверное, она уловила доносившиеся с помоста шорох, щелчки затвора аппарата, быть может, и подозрительный запах.

Все так же размеренно, похрустывая снегом, звери продолжили свой путь. Они вышли на припай и еще долго виднелись

там, удивительно гармонично вписываясь в этот утренний пейзаж и украшая его. Нельзя было не вспомнить слов известного английского зоолога Джулиана Хаксли: «Крупные животные, свободно и безбоязненно разгуливающие по необозримым просторам, — это зрелище волнует и восхищает подобно созерцанию прекрасного здания или прослушиванию гениальной симфонии»...

После недолгого перерыва так же неожиданно с припая пришел небольшой медведь, возможно один из прикормившихся здесь аборигенов. Он деловито обследовал косу, переходя от одного моржа к другому. Приплясывая на них передними лапами, попытался оторвать некоторые из туш от грунта, но убедившись в тщетности своих усилий, направился к высокой гряде заструг. Раскопав ее, он извлек солидный кусок мерзлой моржатины и приступил к трапезе. Прошло не более получаса, и в «столовой» один за другим появились еще два одиночных медведя примерно таких же размеров, как и ранее пришедший. Полностью игнорируя присутствие других зверей, каждый из них занимался «своей» тушей или ее частью. Обед их длился долго. Первый зверь провел на косе в общей сложности более часа и лишь после этого вернулся на припай. Здесь я сразу же потерял мишку из виду; очевидно, он залег под ближайшей грядой торосов. Один из оставшихся медведей расположился провести свой «мертвый час» здесь же, на косе, всего в нескольких метрах от туши, которую грыз. Третий медведь кормился около двух часов, затем отправился вдоль берега к северу.

Согреваясь чаем, что, впрочем, не особенно помогало, я обшаривал припай и берег в бинокль. На льду то тут, то там время от времени возникали желтые точки. Двигались они только в одном направлении — на север. Очевидно, происходило уже массовое переселение зверей на летние квартиры — от кромки льдов в центральные части Арктики. День близился к концу. Задувал ветер. На вышке становилось совсем неуютно, и тут как нельзя более кстати показалась Ванина упряжка. Медведь, спавший на косе, почувствовал ее приближение по крайней мере за километр; он встал, некоторое время принюхивался, поводя головой из стороны в сторону, и побрел на припай.

Увязав поклажу, мы с Ваней выехали в поселок.

Прописан во льдах

Подавляющее большинство зверей и птиц привязано к определенному участку суши, реки, озера или моря. Это их родина. Здесь они появились на свет, здесь выводят свое потомство, продолжают свой род. Как далеко ни приходится им откочевывать или улетать отсюда, к началу сезона размножения они вновь возвращаются на родину, безошибочно разыскав ее, будь то крошечный островок в море, внешне ничем не примечательная речная долина, залив или лесное урочище.

Прописан во льдах

Нет, однако, правил без исключений. Среди четвероногих и пернатых изредка встречаются законченные бродяги, всю жизнь проводящие в странствиях. Именно таков белый медведь.

В двух-, трехмесячном возрасте, покинув вместе с матерью берлогу, медвежонок впервые, еще неуверенными шагами ступает на морской лед. И это важнейшая веха в жизни зверя. Позже он подрастет, станет самостоятельным, ему предстоит пережить свои радости и огорчения, однако уже никогда до конца дней медведя-самца не прекратятся его скитания по льдам. Самка не чаще чем раз в три года будет зимовать в снежной берлоге, но все остальное время и она будет кочевать.